

МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО
И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ
УССР

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ № 141 ВЫПУСК 9

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ
«ВИЩА ШКОЛА»
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Харьков — 1976

Печатается по решению Ученого совета факультета иностранных языков (протокол № 4 от 20 декабря 1974 года).

В выпуск включены, в основном, статьи по английской, немецкой и французской филологии, в которых рассматриваются актуальные проблемы грамматики, лексикологии и лексикографии.

Освещаются вопросы психологии обучения иностранным языкам.

Материалы вестника представляют теоретический и практический интерес для преподавателей иностранных языков.

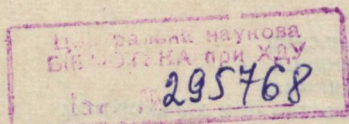
Редакционная коллегия:

*В. И. Безуглый, Г. В. Ейгер, Ю. Ф. Ещенко, А. С. Калинин-
ченко, В. И. Каравашкин, С. Т. Навальная, О. А. Рассказова (секр.), Ю. М. Ткаченко (отв. ред.),*

Адрес редакционной коллегии:

310077, Харьков, 77, пл. Дзержинского, 4, университет, факультет иностранных языков. Тел. 40-17-47.

Редакция гуманитарной литературы
Зав. редакцией Г. И. Шинкаренко

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ НА РАСКРЫТИЕ ЗНАЧЕНИЙ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ ПОСРЕДСТВОМ ПРЕДМЕТНОГО СООТНЕСЕНИЯ

Соотнесение слов с конкретными предметами, качествами предметов или действиями является одним из способов описания значений слов при овладении родным языком. Этот способ распространяется также и на описание значений грамматических единиц (например, единственного и множественного числа, степеней сравнения). Упомянутый способ широко используется при обучении иностранным языкам. Его относят к беспереводным или экстралингвистическим средствам семантизации.

В методической литературе неоднократно делались предупреждения относительно опасности использования данного способа семантизации вследствие двусмысленности толкования учащимися значений языковых единиц [1, 2]. Так, И. В. Рахманов указывает на довольно типичную ошибку, которая состоит в том, что конкретные понятия могут восприниматься учащимися и как видовые, и как родовые. Например, демонстрируя изображение дерева, нельзя быть уверенным, замет ли учащийся, что речь идет о дереве вообще или о дереве, изображенном на рисунке, т. е. березе, дубе и т. д.

Мы уже предлагали рассматривать подобные способы семантизации в терминах решения задач на раскрытие неизвестных и давали определение детерминированной языковой задачи [3, 4]. Согласно этому определению, основное требование к оформлению языковой задачи состоит в том, чтобы совокупность представленных в ней данных однозначно определяла ответ. Глубокий анализ путей преодоления неоднозначности содержится в современной теории распознавания образов [5, 6].

Преодоление неоднозначности происходит путем сообщения дополнительной информации, определяющей объект узнавания до тех пор, пока этот объект не будет выделен в качестве единственно возможного, а задача не превратится в детерминированную (и одновременно будет решена). Поступление дополнительной информации может быть организовано различными способами. Например, может быть использован полный перебор всех возможных вариантов решения — процесс, как правило, весьма неэкономичный. Более экономичный дихотомический поиск состоит в последовательном делении области поиска на две части и в выборе на каждом этапе одной из этих частей [7].

Проанализируем, как протекают аналогичные процессы при вводе нового материала с использованием экстралингвистических средств.

Рассмотрим акт описания незнакомого иностранного слова, который заключается в соотнесении этого слова с некоторым предметом или изображением. Соотнесем слово *integer* с изображением любого целого числа, например, с изображением единицы. Если мы произнесем это слово и одновременно укажем на изображение «1», то такая входная зрительная и слуховая информация будет представлять условие задачи. Желательно, чтобы оператором данной задачи являлось объективно существующее в изучаемом языке соответствие слова *integer* понятию «целое число» в качестве названия этого понятия. Однако совокупность представленных здесь данных не определяет ответ однозначно, и предложенная задача не может классифицироваться как детерминированная, поскольку наглядно представленный образ допускает многозначное толкование, подобно любому экстралингвистическому средству такого рода. Действительно, изображение «1» является представителем класса чисел вообще и одновременно представителем различных подмножеств этого класса, а именно: целых чисел, положительных чисел, нечетных чисел, простых чисел и т. д. Кроме того, это число можно рассматривать само по себе, т. е. как единицу. Поэтому, указывая на изображение «1», можно сказать, что это — число, целое число, положительное число, нечетное число, простое число, и, наконец, число один.

Рассматриваемая задача на раскрытие значения слова была предложена группе математиков, начинающих изучение английского языка в вузе. После соотнесения данного слова с изображением «1» испытуемым предлагалось записать на русском языке все предполагаемые значения. Ответы сводились к следующим вариантам: 1) нечетное число; 2) целое число, 3) положительное число, 4) простое число. Следует отметить, что слова *one* и *number* были уже известны испытуемым. Очевидно в противном случае количество гипотез о значении слова *integer* было бы еще большим.

Наличие нескольких вариантов ответов свидетельствует о недостаточности данных, устанавливающих взаимосвязь неизвестного слова с ситуацией, описывающей его значение. Эти данные были впоследствии дополнены путем сопоставления слова с изображением чисел «2», «—1», «35», принадлежащих к различным классам целых чисел. В процессе проведения эксперимента мы наблюдали, что после каждого такого сопоставления испытуемые отменяли одну из перечисленных выше гипотез о значении слова *integer*. При соотнесении данного слова с изображением «2» они вычеркивали первую гипотезу, потому что «2» — четное число. После соотнесения этого же слова с изображением «—1» испытуемые отменяли третий вариант решения, ибо данное число не является положительным. Наконец, после соотнесения слова *integer* с изображением «35» испытуемые отменяли четвертую гипотезу, так как приведенное число не является простым. В качестве единственного варианта решения оставался лишь второй, согласно которому искомое значение слова *integer* — «целое число». Таким образом, путем введения дополнительной информации, определяющей объект

узнавания, исходная недетерминированная задача была превращена в детерминированную и решена. Описанный процесс протекал по типу полного перебора всех возможных решений.

Быстрота достижения однозначного результата зависит от того, насколько удачно разработана обучающим тактика сужения диапазона поиска. В том же случае можно использовать другой, более экономичный путь типа дихотомического поиска. Он состоит в том, что после соотнесения некоторого слова с обозначаемым объектом предъявляется другой объект того же класса, противопоставленный первому по интересующему нас свойству и названный в силу этого другим словом. Например, после соотнесения слова *integer* с изображением «1»

можно соотнести изображение $\frac{1}{2}$ со словом *fraction*. В большинстве случаев, как показали эксперименты, такое объединение актов семантизации оказывалось достаточным для правильного решения вопроса о значениях обоих слов. В случае необходимости можно повторить соотнесение слов *integer* и *fraction* с изображениями некоторого другого целого числа и некоторой другой дроби. Таким образом, объединение актов семантизации, при котором два объекта отличаются друг от друга одним существенным свойством и каждый из них назван соответствующим словом, приводит к тому, что решающий задачу приписывает различие в названиях этому отличительному свойству. При этом имеет место однозначное раскрытие значения не только слова, предъявленного в первом соотнесении, но и всех других слов, введенных при соотнесениях, дополнительных по отношению к нему. Увеличение количества актов семантизации повышает надежность получения однозначных решений.

Указанный способ объединения актов семантизации является достаточно общим и может распространяться, в частности, на однозначное описание функций грамматических единиц. Так, для однозначного описания формы множественного числа может быть использована такая совокупность актов семантизации, в которой единичный объект противопоставлен множеству таких же объектов, а грамматическое обозначение признака единичности этого объекта противопоставлено признаку его множественности. Если мы соотнесем известное обучаемому слову *integer* с изображением любого целого числа, а слово *integer* с изображением нескольких целых чисел, то форма множественного числа -s будет поставлена в бинарную оппозицию по отношению к нулевой морфеме единственного числа в первом слове. Таким образом, обучаемый однозначно решит задачу на раскрытие соответствующей грамматической функции морфемы -s в слове, если он произведет операцию параллельного соотнесения предъявленных слов и изображений. Естественно, увеличение числа таких соотнесений (*fraction — fractions*, *book — books* и т. д.) повышает надежность однозначных решений. Подобный способ ввода множественного числа широко применяется в различных учебных пособиях.

Заметим, что изолированный акт семантизации, состоящий в соотнесении некоторого отдельно взятого иностранного слова с отдельно взятым словом родного языка на основании того, что их объединяет

одно из значений, создает неправильное представление об объеме значений иностранного слова. В действительности полностью сопоставимой по значению парой слов двух разных языков является лишь такая пара, которая имеет общее и единственное значение для каждого слова, входящего в эту пару. Такие слова можно считать эквивалентными по значению (например, английское слово *sine* и русское слово *синус*). В остальных случаях такое сопоставление слов разных языков в изолированных по отношению к какому-либо дополнительному описанию ситуациях оказывается неточным, и результатом является ложное представление о тождественности значений двух слов, на основании которого обучаемый приписывает все значения слова родного языка иностранному слову. Столь привычный в практике обучения английскому языку контрольный вопрос типа *What is the English (the Russian) for*, заданный вне связи с определенным контекстом, фактически закрепляет это неправильное представление. Следовательно, здесь необходимо дополнительное описание. В качестве такого описания обычно используют либо информацию разъяснительного характера на родном языке, с помощью которой очерчивается область пересечения значений такой пары, либо контекст, выполняющий ту же функцию. В последнем случае мы будем иметь дело с определенной комбинацией двух средств описания. Вариантом такой комбинации является процесс самостоятельного выбора на основании контекста одного значения незнакомого слова из множества его значений, предложенных словарем. Такой процесс в значительной степени приближен к описанному нами способу решения задач. Экспериментальные данные, приведенные А. Н. Соколовым, подтверждают это предположение [8].

Рассмотренные примеры показывают, что объединение актов семантизации всегда оказывается выгодным для соблюдения принципа однозначности. Если несколько вариантов таких объединений оказываются эквивалентными, то выбор какого-либо из них определяется методическими соображениями, учитывающими дополнительные эффекты однозначного описания. Такими эффектами следует считать запоминание введенного материала и развитие способности оперирования им в различных ситуациях речевого общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыт Е. Н. Основы методики преподавания иностранных языков. М., «Просвещение», 1930. 130 с.
2. Рахманов И. В. Очерк по истории методики преподавания новых западноевропейских иностранных языков. М., «Просвещение», 1947. 185 с.
3. Бейдер Е. И. Метод языковых задач в системе программированного обучения иностранному языку. — В сб.: Методические записки по вопросам преподавания иностранных языков в вузе. Вып. 4. М., 1967. 206 с.
4. Бейдер Е. И. Метод задач как средство обратной связи в системе программированного обучения иностранному языку. — В сб.: Вопросы программированного обучения иностранным языкам. М., 1969. 145 с.
5. Бонгард М. М. Проблема узнавания. М., «Наука», 1967. 320 с.
6. Шехтер М. С. Психологические проблемы узнавания. М., «Просвещение» 1967. 220 с.

7. Кордемский Б. А. Математическая смекалка. М., Физматгиз, 1958. 575 с.
8. Соколов А. П. Внутренняя речь и мышление. М., «Просвещение», 1968. 248 с.

Л. А. ВОРОНИНА, канд. филол. наук,
Б. И. РОГОВСКАЯ, канд. филол. наук,
Б. С. ХАЙМОВИЧ, канд. филол. наук

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ СОСТАВЛЕНИЯ РУССКО-АНГЛИЙСКОГО СЛОВАРЯ ПОЛУСВОБОДНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Лексика, или словарный состав языка, определяется как «совокупность слов, входящих в состав какого-либо языка или диалекта» [1, с. 214—420]. К лексическим единицам, объектам лексикологии относят и так называемые лексикализованные сочетания слов, в отличие от свободных сочетаний. «Свободными сочетаниями слов в предложении занимается синтаксис, раздел грамматики. Однако есть и такие сочетания слов, которыми интересуется лексикология, это не свободные сочетания слов, а лексикализованные, т. е. как бы стремящиеся стать одним словом, одной лексемой, хотя и не потерявшие еще формы словосочетания» [2, с. 121].

Мы полагаем, что различие между свободными и связанными словосочетаниями преувеличивают, когда утверждают, что первыми интересуется только грамматика, а вторыми — только лексикология. Ведь и отдельным словом интересуется не только лексикология, но и грамматика, поскольку слово имеет как лексическую, так и грамматическую стороны [3, с. 21]. А разве словосочетание *железная дорога*, приведенное А. А. Реформатским в качестве примера лексикализованного сочетания, не имеет грамматической стороны? Или приводимое им свободное словосочетание *железная скамья* лишено лексической стороны? Для лексикализованного словосочетания так же обязательны законы грамматической сочетаемости, как для свободного словосочетания — законы лексической сочетаемости. Возможность сочетания *спустя рукава* и невозможность **спустя рукавов* определяется грамматической сочетаемостью, а возможность сочетания *муж сестры* и невозможность **муж брата* определяется лексической сочетаемостью.

Разграничение свободных и связанных словосочетаний, как известно, затрудняется тем, что степень связанности и свободы различна у разных сочетаний. В сфере фразеологии эти различия отражены терминами **фразеологическое сочетание, единство, сращение**. Подобные градации имеются и у свободных сочетаний, хотя они обычно терминологически не фиксируются. А. В. Кунин, например, предлагает термин **полусвободный оборот**: «Примером полусвободного оборота, занимающего промежуточное место между свободным словосочетанием и фразеологической единицей, является оборот *man and wife* — *муж и жена*. Данный оборот не приобрел еще устойчивости

фразеологической единицы, однако отошел от свободного сочетания» [4, с. 1434]. Критериев выделения полусвободных оборотов А. В. Кунин не выдвигает.

В данной работе мы рассматриваем проблему полусвободных словосочетаний с точки зрения переводчика.

Сопоставим, например, русское словосочетание *молодой картофель* с его английским аналогом *new potatoes*. Русское словосочетание является свободным постольку, поскольку примерно в том же значении говорят о *молодой траве*, *молодых побегах*, *молодом вине*, *молодом сыре* и т. д. В английском языке аналогично употребляют *new wine*, *new cheese*, *new milk*, *new potatoes* и т. п.

Прилагательные *молодой* и *новый* являются антонимами прилагательного *старый*, и, когда хотят противопоставить только что появившийся картофель прошлогоднему, можно, казалось бы, использовать любой антоним. В этом смысле логически выбор свободен. Но, когда русский язык выбрал слово *молодой*, а английский — *new*, свобода выбора исчезла, соответствующее сочетание стало обязательным для каждого языка. Переводить сочетание *молодой картофель* на английский язык нельзя пословно, как например, *старый картофель*. Нужно переводить его целиком, как единицу. С этой точки зрения сочетание не свободно. Расхождение семантической структуры сопоставляемых словосочетаний (*молодой картофель* — *new potatoes*) обусловлено различиями лексической валентности компонентов словосочетаний в русском и английском языках [5, с. 86—88].

При переводе подобных сочетаний нужно учитывать не только групповую сочетаемость (*new potatoes*, *cheese*, *wine* — *молодой картофель*, *сыр*, *вино*), но нередко также единичную (ср. *new cheese* — *молодой сыр*, но *new milk* — *парное молоко*).

Вот такие нефразеологические стабильные словосочетания, которые можно переводить только как целые единицы, мы здесь называем полусвободными.

Выше приводились примеры атрибутивных словосочетаний. Но полусвободными могут быть сочетания с самыми различными синтаксическими связями между словами: объектными, обстоятельственными и даже предикативными. Русское объектное словосочетание *навести микроскоп* имеет английский аналог *to focus a microscope* (ср. *навести орудие* — *to point a gun*), русское обстоятельственное словосочетание *горячо надеяться* — *to hope devoutly* (ср. *горячо любить* — *to love ardently*), русское предикативное словосочетание *муха сидит* — *a fly stands* (ср. *курица сидит* — *a hen sits*), *корабль стоит* — *a ship lies*, (ср. *машина стоит* — *a car stands*).

Хорошее владение иностранным языком предполагает знание полусвободных словосочетаний, иначе происходит неоправданное калькирование с русского языка. В этом смысле знание полусвободных словосочетаний важнее знания фразеологических сочетаний, идиом, о которых А. И. Смирницкий пишет: «Собственно идиомы являются как бы украшением в языке. Можно прекрасно и идиоматически (в более широком смысле...) говорить на том или ином языке, совершенно не пользуясь в своей речи собственно идиомами» [3, с. 227].

Поэтому можно сказать, что русско-английский словарь полусвободных словосочетаний нужнее русско-английского словаря фразеологических словосочетаний. К сожалению, пока нет ни того ни другого.

Поскольку полусвободный характер словосочетаний определяется в данной работе по отношению к их переводным аналогам, этот же критерий следует использовать для выделения типов полусвободных словосочетаний и для описания их вариантов. При этом мы здесь ограничимся лишь русско-английскими аналогами и в качестве исходных будем брать русские полусвободные сочетания.

Напоминаем, что в соответствии со сказанным выше к полусвободным не относятся словосочетания типа *железные ворота*, *железная воля*, *стальная конструкция*, английские аналоги которых *iron gates*, *an iron will*, а *steel construction* пословно эквивалентны. Но словосочетания *железное хладнокровие*, *стальные мускулы* только полусвободны, так как их английские аналоги *steel composure*, *muscles of iron* эквивалентны не пословно, а как целые единицы.

Отношения между словосочетаниями русского и английского языков можно классифицировать по семантическим и структурным характеристикам.

По семантическому признаку устанавливаем три типа возможных отношений между русскими словосочетаниями и их английскими эквивалентами.

Совпадение семного состава всех компонентов словосочетания в обоих языках.

Например, *косой дождь* — *slanting rain*, *коммунальная квартира* — *communal apartment*, *коренное население* — *indigenous population*, *дотронуться до больного места* — *to touch a sore spot*. Следует при этом учесть, что даже в подобных случаях набор сем в каждом из компонентов словосочетаний в русском и английском языках может иметь определенные различия (ср., например, *погибнуть в воздушной катастрофе* — *to die in an air crash*). В данном случае *погибнуть* и *to die* не полностью эквивалентны, хотя сочетания в целом рассматриваются, как сочетания с совпадающим семным составом.

Частичное совпадение семного состава компонентов.

Сюда относится расхождение в содержании одного компонента словосочетания, чаще всего зависимого, хотя принципиально возможно и расхождение в содержании главного члена словосочетания (*красиво писать* — *to write a beautiful hand*, *молодой картофель* — *new potatoes*, *конфликтная комиссия* — *grievance committee*, *книга для посетителей* — *guest register*, *копна волос* — *bush of hair*).

При полном совпадении семного состава русского словосочетания и его английского аналога возможны следующие случаи:

а) русскому словосочетанию, не содержащему метафоры, соответствует метафорическое словосочетание или слово в английском языке (наряду с возможным неметафорическим), например: *точная копия* — *spitting image*; *коснуться чего-нибудь губами* — *to brush something with one's lips* (также *to touch* и т. д.); *курить без перерыва* — *to chain-smoke*, *холостяцкая вечеринка* — *stag-party*;

б) в основе русского и английского словосочетаний лежат разные метафоры: *песчаная коса* — *tongue of sand*, *камень на шее* — *burden round one's neck*, *стрелка часов* — *hand of the watch*;

в) семантические различия могут идти по линии различного соотношения общего и частного, например, *кормить солдат* — *to mess men* (*to mess* характеризуется частным значением по сравнению с «кормить», *men* — более широким значением, чем «солдат»).

Полное расхождение семного состава компонентов.

Например: *крупным планом* — *close-up*, *купить в рассрочку* — *to have something on time*.

Структурные различия между словосочетаниями русского языка и их английскими аналогами в общей форме могут быть сведены к следующим случаям:

1) Русскому словосочетанию соответствует слово в английском языке. Например, *комната больного* — *sick-room*, *визитная карточка* — *visiting-card*, *лишенный воображения* — *unimaginative*.

2) Русскому сочетанию с атрибутивным прилагательным соответствует сочетание с атрибутивным существительным (*косметический салон* — *beauty shop*, *жесткий курс* — *a hard-line approach*, *зачетная книжка* — *record book*, *любимая теория* — *pet theory*).

3) Русскому беспредложному сочетанию соответствует английское предложное словосочетание и наоборот, например: *карточный домик* — *a house of cards*, *куча долгов* — *a pile of debts*, *кивнуть (головой) в знак одобрения* — *to nod approval*.

Построение русско-иноязычного словаря полусвободных словосочетаний связано со значительными теоретическими трудностями. К ним, в первую очередь, относятся: а) зыбкость границ между фразеологизмом и полусвободным словосочетанием, б) нечеткость границ между сложным словом и словосочетанием, в) огромный, не ограниченный никакими рамками, объем речевого материала, подлежащего упорядочению и классификации, г) возможность известного субъективизма в определении иноязычных эквивалентов русских словосочетаний. Однако эти трудности не представляются нам непреодолимыми.

Трудность (а) разрешается тем, что пограничные случаи включаются в словарь.

Трудность (б) для русско-английского словаря минимальна, так как в русском языке граница между словом и словосочетанием значительно более четкая, чем в английском.

Трудность (в) преодолевается тем, что ограничителем объема становятся используемые тексты. Полусвободные словосочетания выбираются из ограниченного числа оригинальных текстов (художественная литература и пресса) второй половины XX века.

Наконец, субъективность (г) устраняется путем привлечения информантов и изданных переводов.

Все сказанное свидетельствует, как нам кажется, о настоящей необходимости в создании русско-иноязычных словарей полусвободных словосочетаний и о наличии объективных возможностей для этого.

ЛИТЕРАТУРА

1. А х м а н о в а О. С. Словарь лингвистических терминов М., «Сов. энциклопедия», 1966. 606 с.
2. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., «Просвещение», 1967. 542 с.
3. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. 260 с.
4. К у н и н А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М., Изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. 1455 с.
5. Ginsburg R. S., Khidekel S. S., Knyazeva G. Y., Sapkin A. A., A Course in Modern English Lexicology. М., «Высшая школа», 1966. 275 с.

А. И. ГАВРИЛОВА

О РЕЗУЛЬТАТАХ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ЛЕКСИКИ ПЕРВОГО УРОВНЯ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В основе эксперимента лежит статистическое исследование трех семантических уровней на основе применения метода структурно-вероятностного анализа лексики, который получил большую популярность в последние годы. В данной статье анализируются результаты работы первого уровня распределительного словаря французского языка.

Для исследования лексики на 1-ом уровне были заранее определены следующие 10 подязыков: прозы, диалога, поэзии, лингвистики, экономики, биологии, химии, физики, математики и спорта. Тексты, подобранные для 1-го семантического уровня, равны по объему, т. е. мы пользовались стандартной сплошной выборкой из 1 тыс. словоупотреблений. В каждом из 10 подязыков было взято одинаковое количество выборок — 10, значит, всего — 100 выборок.

Для 2-го уровня подобраны тексты одного подязыка — подязыка спорта (легкой атлетики, горнолыжного спорта, фехтования, велоспорта, футбола). Для того, чтобы получилось одинаковое количество выборок по сравнению с 1-м уровнем, было сделано 20 выборок из текстов о каждом из пяти видов спорта, что в итоге составило 100 выборок.

На 3-м уровне мы ещё больше сузили круг, используя тексты только о лёгкой атлетике (т. е. сделали по 20 выборок из специальных текстов).

Для исследования подязыка прозы на 1-ом семантическом уровне использованы тексты 10 современных французских авторов, написанные с 1946 по 1973 г., например: А. Экзюпери «Citadel» (1947), Э. Триоле «L'Amé» (1963), А. Камю «La Chute» (1956), Ж. Фревиля «Lenine à Paris» (1968), Ф. Сагана, Ж. Сименона.

Для анализа подъязыка драматургии были использованы 10 произведений таких авторов, как: Ж.-П. Сартр, Ж. Ануй, Е. Ионеску, С. Бэкке, А. Адамов, М. Митюа, А. Руссен, Ф. Билэду, А. Салакрон, А. Де Монтерлан.

П. Элюар, Б. Виан, Норж, Л. Арагон, Г. Беар и еще пять других поэтов составили список авторов, из произведений которых были сделаны выборки по подъязыку поэзии.

Для исследования были подобраны тексты из французских изданий, как нам кажется, наиболее объективно и полно отражающие состояние лексики современного французского языка.

Было выдержано и ещё одно условие: 50% выборок сделано из книг, монографий, а 50% — из журналов и газет. Только из книг были взяты тексты по подъязыкам художественной прозы, драматургии, поэзии и лингвистики. Весь обследованный текстовой материал составил 100 тыс. словоформ.

Техника обработки материала (составление выборок, вынесение на карточки) подробно описана [см.:3].

При работе над словарем мы считали наличие слова в пределах стандартной выборки, т. е. учитывали количество текстов, в которых это слово встретилось. Иначе говоря, его представленность, что важно для изучения распределения слова (равномерности или неравномерности.)

При выделении слов в список отмеченных нами были взяты определённые статистические пороги: для того, чтобы имя существительное стало отмеченным, оно должно встретиться в пяти выборках из 100, глагол — в четырёх, имя прилагательное и остальные части речи — в шести.

Таким образом были выделены 1 594 отмеченных слова. Выписав их в алфавитном порядке, высчитали численные характеристики исследуемых слов, что позволило нам установить степень специфичности слов на каждом уровне и в каждом подъязыке. Это — относительное вхождение (ОВ), среднее вхождение (СВ) и коррелятивная функция (КФ), которая служит объективной мерой лингвистической оценки данных исследования. Затем по КФ определили пять типов слов [3].

Из 1 594 слов наибольшее количество их (1 091) относится к типу V распределения и составляет 62,1% (табл.1). Эти слова, имеющие тяготение к одним подъязыкам, отсутствующие в других и нейтральные по отношению к третьим, относятся к лексике смешанной специфичности.

Равномерно распределённые слова в количестве 57 (их КФ — от 0,5 до 2) составляют нейтральную лексику данного уровня, или общую лексику и относятся к типу I (см. табл. 1).

Тип IV представлен 105 словами. Это слова, которые имеют отрицательную специфичность в одних подъязиках и нейтральность — в других.

Тип III представлен семью словами.

Поляризованных слов, относящихся к типу II, — 334. Это сугубо специальная лексика, например: *industriel* (E), *plante* (B), *molécule* (X), *monnaie* (E), *équation* (M), *baiser* (P).

Таблица 1

Зависимость между типом распределения и степенью представленности

Типы распреде- ления	Степень представленности					Всего
	А	Б	В	Г	Д	
	100	40—99	20—39	10—19	1—9	
V		7	127	419	538	1091
II		—	2	12	320	334
IV		33	39	26	7	105
I	6	45	4	2	—	57
III	—	1	3	3	—	7
Сумма . . .	6	86	175	462	865	1594

Проведём «диагональ» соотношения (вероятностного) между типом распределения и степенью представленности.

А, Б, В, Г, Д — символические обозначения ступеней представленности.

Класс А. К нему относятся слова, представленные во всех 100 выборках. Их шесть (*être, á, le, de, et, un*).

Все остальные слова представлены не во всех выборках. Например, предлог *ou* не встретился в пяти выборках из 100, предлог *dans* — в шести. По данным распределительного словаря совершенно ясно, что все эти слова составляют общую лексику. Слов специфичной лексики здесь быть не может, т. е. КФ всегда равна 1.

Класс Б. Представленность от 40 до 99 выборок. Таких слов 86. Из них 45 слов — типа I, 33 слова — типа IV, семь слов — типа V.

Почему же слов типа I больше? Чем больше представленность слова, тем равномернее оно распределено. Например, у слова *chaque* представленность равна 40, распределено оно равномерно. Но есть, конечно, и отклонения. Так, прилагательное *grand* представлено 66 раз, но распределено неравномерно (*М, В* — по 3 раза, *Е* — 10).

Класс В. Представленность от 20 до 39 (175 слов).

Класс Г. Представленность от 10 до 19 (462 слова).

Класс Д. Представленность от 1 до 9 (865 слов). Это преимущественно слова типа V, их 538, и типа II, в котором их 320.

Вторая группа отношений связана с распределением по частям речи. На нашем материале подтверждается закономерность вероятностного характера, прослеженная уже несколькими исследователями, работающими над распределительными словарями (табл. 2).

К типу I равномерно распределённых слов (всего 57) относятся следующие: служебные части речи (34), восемь наречий, семь прилагательных, семь глаголов, одно существительное. Несмотря на наличие одного существительного, общий вывод таков: имя существительное

Таблица 2

Соотношение между типом распределения и частью речи

Типы распределения	Части речи				Служебные слова	Всего
	Существительное	Глагол	Прилагательное	Наречие		
V	448	253	242	91	57	1091
II	167	143	19	1	4	334
IV	24	31	22	17	11	105
I	1	7	7	8	34	57
III	1	2	1	1	2	7
Сумма . . .	641	436	291	118	108	1594

не обладает равномерным распределением. 57 слов типа I составляют общую лексику 1-го уровня.

Для типа IV, в котором 105 слов, характерны и нейтральность, и избегание. Почти все части речи представлены поровну: 11 служебных слов, 17 наречий, 22 прилагательных, 31 глагол, 24 существительных.

В типе V, поляризованном, где есть и избегание, и тяготение, из 1 091 слова — 445 существительных, 253 глагола, 242 прилагательных, 91 наречие и 57 служебных слов.

В типе II, контрастном, отсутствует нейтральность. Из 334 слов — 167 существительных, 143 глагола, 19 прилагательных, одно наречие, четыре служебных слова.

Какие типы распределения характерны для отдельных частей речи?

Служебные слова. В типе I — 34, в типе IV — 11, в типе V — 57, в типе II — 4. Несмотря на то, что служебным словам по их природе не положено быть контрастно распределёнными, в данном случае мы видим некоторое отклонение.

Наречия. Большинство их в типе V — 91. Они есть и в остальных четырёх типах, но в типах II и III — по одному. В типе IV, т. е. в не-сильно поляризованном типе их — 17, и в типе I — восемь.

Прилагательное. Здесь мы видим смещение в сторону контрастности распределения слов. В типе I наречий больше, чем прилагательных, а в типе II — намного больше прилагательных.

Глагол. Он ещё более смещён. В типе II — 143 глагола.

Таким образом, в типе I только одно существительное. В типе III они отсутствуют. Чем знаменательнее часть речи, тем больше она контрастно распределена. Это подтверждено типом слов II, где существительные составляют 167 слов.

Рассмотрим ещё одну «диагональ» соотношения между степенью знаменательности и ступенью представленности, соотношения опять-таки вероятностного.

В нашем исследовании есть одно имя существительное и несколько глаголов, совершенно равномерно распределённых (пом — представленность 18 и *rouvoir* — 96, *avoir* — 93, *faire* — 83), которые относятся к распределению типа I. Служебные слова распределены не очень равномерно. Например, предлог *chez* в четырёх подязыках отсутствует, к одному тяготеет и в трёх встречается четыре раза.

Из 1 594 отмеченных слов по 10-ти подязыкам только 942 слова составляют список подязыка спорта. Остальные 652 отмеченных слова в выборках подязыка спорта не встретились.

Список сугубо специальной лексики (тип II) подязыка спорта начинают имена существительные, являющиеся терминами, — *champion*, *spectateur*, КФ которых — 10. Затем следуют имена существительные *épreuve* и *compétition*, КФ которых — 8. Пятое слово — глагол *contribuer*, КФ — 7,5 (вряд ли он является термином, скорее — характерным для данного подязыка словом). Продолжают список существительные *terrain*, *sélection* (КФ — 6). Можно сказать, что имена существительные преобладают в начале списка. Из шести слов пять — имена существительные.

Что касается типа V, то здесь список начинается существительным *sport* (КФ — 8,6) и прилагательным *sportif* (КФ — 8,6), которые встретились в шести выборках из семи. *Sport* встретилось шесть раз в подязыке спорта и один раз в подязыке физики, а *sportif* шесть раз в подязыке спорта и один — в подязыке экономики.

На третьем месте существительное *équiper* (КФ — 7,1), на четвертом — существительное *exercice* (КФ — 6,2), на пятом — существительное *succès* (КФ — 5,5), на шестом — существительное *école* (КФ — 5), на седьмом — существительное *hauteur* (КФ — 5).

Что касается частей речи, то здесь преобладают тоже имена существительные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л., «Наука», 1967. 403 с.
2. Статистико-комбинаторное моделирование языков. Под ред. Н. Д. Андреева. М. — Л., «Наука», 1965. 502 с.
3. Артемов Р. Н. Подязыковая системность лексики и ее отражение в распределительном словаре. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1973. 19 с.
4. Исследование по структурно-валентностному анализу. — «Учен. зап. Горьк. пед. ин-та иностр. яз.», Горький, 1971, вып. 47.

Т. И. ДАНИЛЕНКО

НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ СТРУКТУР ТИПА *to be hopeful*, *to be usable*

Одной из особенностей современного английского языка является существование структур типа *to be hopeful*, *to be usable*, синонимичных однокоренным глаголам в действительном залоге (*to hope*) и в страдательном залоге (*to be used*). *I hope he'll come* — *I am hopeful he'll come*. *The book is widely used*. — *The book is widely usable*.

Характеру и специфике этих своеобразных структур, которые являются спутниками глагола и составляют периферию его лексико-грамматического поля, были посвящены наши предыдущие статьи [1, 2].

В данной статье мы анализируем причины, вызвавшие к жизни рассматриваемые структуры.

Основная причина связана с системным характером и с общими закономерностями строя современного английского языка — с его аналитизмом. Термин «аналитический» появился в лингвистической литературе при описании грамматической структуры новоевропейских языков для обозначения грамматического приема, заключающегося в выражении грамматических значений не в пределах одной единицы, а раздельно, т. е. внешними средствами [3, 4]. Несмотря на то, что аналитизмом занимаются многие ученые в течение длительного периода, эту проблему нельзя считать решенной.

Так, например, В. Н. Ярцева считает, что целесообразно говорить не вообще об аналитическом строе, а «рассматривать образцы аналитических структур в каждом данном языке сообразно специфике его строя» [5, с. 69].

Концепция О. П. Суник в известной мере перекликается с точкой зрения В. Н. Ярцевой. Он сомневается в возможности выделения особого класса языков аналитического строя [6, с. 79].

По другому подходу к трактовке термина «аналитический» В. М. Солнцев и Н. В. Солнцева, полагая, что аналитичность языка не подразумевает обязательного наличия в языке аналитических форм. «Язык является аналитическим, — говорят они, — в том случае, если отношения между словами в речевой цепи выражаются не средствами самих слов, а иными способами». Они предлагают обозначить аналитический способ выражения морфологического значения (аналитическая форма) термином «анализ», а аналитический способ выражения отношений между словами (аналитический строй) — термином «аналитизм» [7, с. 83].

Как правильно замечает в диссертационной работе В. Б. Андронova, такое подразделение мало что изменяет, за исключением того, что последний термин распространяется не только на языки, названные В. Н. Ярцевой, но и на китайский, вьетнамский и подобные им [8, с. 54].

Наиболее четко, по нашему мнению, на материале английского языка сформулированы признаки аналитичности видным советским лингвистом Б. А. Ильишом [9, с. 10—11]. К характерным чертам аналитического строя он относит:

- 1) сравнительно небольшое количество грамматических флексий;
- 2) широкое распространение десемантизированных слов, являющихся грамматическими морфемами, которые выполняют функцию носителей грамматического значения в морфологии и синтаксисе;
- 3) большое количество аналитических форм, представленных в системе глагола;
- 4) широкое употребление предлогов для выражения грамматических отношений между словами в предложении:

5) наличие фиксированного порядка слов для выражения грамматических отношений между словами в предложении.

Эти признаки получили дальнейшее развитие в курсе теоретической грамматики Б. С. Хаймовича и Б. И. Роговской [10, с. 295]. Авторы курса считают, что 98% всех существительных английского языка осуществляют связь с другими словами в предложении без каких бы то ни было изменений в пределах слова, что наглядно подчеркивает одну из характерных черт английского аналитизма — отсутствие падежных флексий.

Ограниченное количество флексий компенсируется большим количеством слов-морфем, фиксированным порядком слов.

Роль грамматических слов-морфем в английском синтаксисе оказывается даже более важной, чем в морфологии, вследствие следующих причин:

1. В морфологической системе только некоторые категории глагола и степеней сравнения прилагательных и наречий выражены с помощью слов-морфем, в то время как ни одна категория предложения в английском языке не обходится без них.

2. Помимо морфологических слов-морфем в предложении используются синтаксические слова-морфемы.

Нужно заметить, что до недавнего времени вопросы аналитических структур рассматривались преимущественно на морфологическом уровне. Однако не меньший интерес представляет их изучение в синтаксисе, так как синтаксис более динамичен по сравнению с морфологией и в большей степени связан с актом коммуникации непосредственно, что в конечном итоге делает проблему аналитического формообразования существенной для понимания внутреннего механизма языка.

Одним из своеобразных проявлений аналитизма английского языка на синтаксическом уровне является тенденция к расщеплению знаменательного и структурного в предикации. Исходя из этого нам представляется возможным рассматривать анализируемые структуры как образования, в которых знаменательный и структурный элементы при целостности содержания значительно расщеплены. Ср.: It indicates a new trend. — It is indicative of a new trend. Глагол *to be* выступает как носитель отвлеченной глагольности (синтактико-структурный элемент), а конкретное семантическое значение сконцентрировано в прилагательном, т. е. лицо расщепление единого целого на структурное и знаменательное, хотя глагол в подобных образованиях не приобретает статуса слова-морфемы как в аналитической форме, но сохраняет при этом отвлеченное содержание связочного глагола. Поэтому мы считаем, что структуры типа *to be hopeful* следует рассматривать как специфические аналитические образования, которые усиливают общую тенденцию аналитизма, широко охватывающую все уровни языка, кроме фонемного. Это обстоятельство подтверждается и данными диахронии.

Для определения частотности употребления исследуемых структур на протяжении двух столетий (19—20 вв.) за единицу измерения мы взяли один печатный лист (40 тыс. печатных знаков) и прибегли

к количественному анализу. Это послужило основой не только для диахронической характеристики языка, когда нарастание количественных изменений может приводить к качественным изменениям, но и для синхронного исследования языка. По полученным данным частотность анализируемых структур в 20 в. возросла в пять раз по сравнению с 19 в., что свидетельствует о развитии этого явления. На продуктивность структур типа *to be* acceptable обратил внимание видный английский ученый Ч. Барбер [11]. Выделяет их из числа других О. С. Ахманова [12, с. 14]. В то же время она называет такого рода неологизмы «случайными словами» (перевод наш. — Т. Д.), с чем трудно согласиться, так как нами выделено свыше 350 структур, построенных по принципу *to be* + *A_n*, где *A_n* обозначает прилагательное, имеющее однокоренной глагол.

Можно констатировать, что удельный вес анализируемых структур в языке 20 в. возрастает буквально с каждым десятилетием за счет включения в них новых прилагательных и увеличения их частотности. Об этом свидетельствует обнаружение целого ряда структур, еще не зафиксированных самыми последними словарями [13].

К ним можно отнести:

<i>to be</i> makeable	<i>to be</i> manipulable
<i>to be</i> seeable	<i>to be</i> knowable
<i>to be</i> losable	<i>to be</i> expandable
<i>to be</i> formulizable	<i>to be</i> usable
<i>to be</i> unemployable	<i>to be</i> polarizable
<i>to be</i> representable	<i>to be</i> singable
<i>to be</i> resolvable	<i>to be</i> mappable.

Это обстоятельство дает нам возможность прогнозировать возникновение новых структур групп А и Б (группа А объединяет структуры, синонимичные однокоренным глаголам в действительном залоге; группа Б — структуры, синонимичные однокоренным глаголам в страдательном залоге) в плане «предсказуемости словообразовательных потенций в данном состоянии языка» [14, с. 4].

Интересным является тот факт, что в микросистему исследуемых «спутников» глаголов втягиваются и такие, которые содержат прилагательные, не имеющие однокоренных глаголов, но предполагающие потенциальное существование соответствующих глаголов, образованных способом конверсии (глаголы *in absentia*). Показательна в этом отношении структура *to be* dutiable. При отсутствии в словарях глагола *to* *duty* (хотя существование в американском варианте английского языка причастия *dutied* свидетельствует о том, что эта потенция может актуализироваться) она имеет динамическое, процессуальное содержание (подлежать обложению пошлиной), определяемое значением структуры как определенной модели. Это еще раз подтверждает жизненную силу анализируемых «спутников» глаголов. Аналитические конструкции, рассматриваемые в данной работе, без сомнения, пополняют состав языка. Причем пополнение идет в двух направлениях. Оно не ограничивается только количественными изменениями состава лексических единиц, но, что самое главное, влияет

на лексический состав и качественно, привнося свои определенные модификации оттенков выражения действия и тем самым расширяя круг «спутников», окружающих глагол. К более частным причинам, способствующим развитию этих структур, следует отнести такие:

1. Семантический синкретизм, который выражается в способности данных структур передавать одновременно процессуальное и квалифицирующее значение, что делает экономной передачу информации. Экономичность модели выражается в том, что анализируемая конструкция помимо процессуальности часто включает коннотацию модальности, не требуя при этом дополнительных грамматических средств для ее выражения. Частным случаем проявления экономичности модели (имеются в виду структуры группы Б) являются многочисленные отрицательные лексемы с префиксом *in-*, которые дают возможность освободить предикативный член от отрицательных частиц.

2. Завершенность модели при образовании прилагательного от объектных глаголов. Это означает способность структуры, образованной от объектного глагола, употребляться без дополнения, которое вполне основательно считается структурно-обязательным третьим членом предложения при транзитивных глаголах [15, с. 5].

Несмотря на то, что 95% всех исследуемых структур включают прилагательные, образованные от объектных глаголов, в данных построениях они чаще употребляются без прямого дополнения, представленного в этих моделях в превращенной форме (*of-phrase*). Из общего числа случаев, в которых прилагательное образовано от объектного (транзитивного) глагола, 54% представляют собой безобъектное употребление. См., например:

I regreted it.

I doubt it.

I was regretful.

I am a bit doubtful.

3. Снятие значения предельности структуры исследуемого типа: в подавляющем большинстве (96%) анализируемые структуры имеют неопредельное значение независимо от того, от какого слова они образованы. Неопредельность *to be* нейтрализует действие глагольной основы прилагательного. См., например: *to realize — to be realizable, to accept — to be acceptable, to forget — to be forgettable, to instruct — to be instructive, to indicate — to be indicative, to thank — to be thankful, to change — to be changeful*.

She realized he was wrong (Holt). The solutions presented in these sections are physically realizable (The Chemical Journal).

4. Стилистическая дифференциация, которая выражается в стилистическом оттенке книжности исследуемых структур.

Таковы причины, способствующие, по нашему мнению, увеличению удельного веса рассматриваемых образований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даниленко Т. И. Про деякі синоніми дієслів у сучасній англійській мові. (До проблеми структур типу «*to be hopeful*»). — «Вісник Харк. ун-ту», 1973, № 98. Іноземні мови, вип. 6, с. 22—26.

2. Даниленко Т. И. До проблеми статусу структур типу «to be hopeful». — «Вісник Харк. ун-ту», 1974. Іноземні мови, вип. 7, с. 38—42.
3. Grunot F. La pensee et la langu Methode, principe et plan d'une theorie nouvelle du langage appliquee au Francais Paris, 1936, p. XIV.
4. Vachek J. Some less familiar aspects of the analytical trend of English. Brno Studies in English, 1963, v. 3.
5. Ярцева В. Н. Проблема аналитического строя и формы анализа. — В сб.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.— Л., «Наука», 1965, с. 58—70.
6. Сунник О. П. О понятиях «аналитическая форма слова» и «аналитический строй языка». — В сб.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.— Л., «Наука», 1965, с. 70—80.
7. Солнцев В. Н. и Солнцева Н. В. Анализ и аналитизм. — В сб.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.— Л.; «Наука», 1965, с. 80—89.
8. Андреева В. Б. Аналитические морфемы в современном английском языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Харьков, 1973. 16 с.
9. Ilyish B. The Structure of Modern English. L., «Просвещение», 1971. 365 с.
10. Khaïmovich B. S., Rogovskaya B. I. A Course in English Grammar. M., «Высшая школа», 1967. 295 с.
11. Barber Ch. Linguistic Change in Present Day English. L., Oliver and Boyd, 1966.
12. Ахманова О. Patterns and Productivity. Изд-во Моск. ун-та, 1973, 147 с.
13. Англо-русский словарь. В 2-х т. Под ред. И. Р. Гальперина. М., «Сов. энциклопедия», 1973.
14. Степанова М. Д. Аспекты синхронного словообразования. — «Иностр. яз. в школе», 1972, № 3, с. 3—13.
15. Иoffee Л. Л. Проблема структуры сложного предложения в новоанглийском языке. Автореф. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук. Л., 1965. 41 с.

А. И. ДОРОДНЫХ

ФОРМЫ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье осуществлена попытка сопоставить формы сослагательного наклонения в национальных вариантах английского литературного языка (американском английском — *AE*, британском английском *BE*, австралийском — *AuE*, канадском — *Can E*, новозеландском — *NZE*).

Об актуальности сопоставительного изучения вариантов одного языка в настоящее время свидетельствуют труды советских и зарубежных лингвистов [2, 7, 8, 10, 11, 15, 16, 17, 19 и др.]. Разработаны и некоторые общие принципы сопоставительного изучения вариантов литературного языка:

- 1) системный подход к описываемым явлениям;
- 2) соблюдение функционального тождества сопоставляемых единиц;
- 3) принадлежность сопоставляемых единиц к тождественному уровню языковой системы в каждом из описываемых вариантов;
- 4) разграничение письменной и разговорной формы функционирования литературного языка [4, 5, 11, 12].

Мы исходим из того, что при использовании языка на разных территориях существует несколько параллельных норм, представляющих собой близкие, но не подобные реализации возможностей системы, которые находятся в отношениях частичного варьирования между собой [6, с. 557] и являются предметами сравнения в нашем исследовании. За основу принята идея А. Д. Швейцера [11, с. 25] о возможности изучения относительных противопоставлений, где различительным признаком является не отсутствие или наличие того или иного явления, а его употребительность (частотность), так как даже в *AE*, с его довольно продолжительным периодом самостоятельного развития, на грамматическом уровне не обнаружено каких-либо инвентарных различий по сравнению с *BE* [11].

Для соблюдения принципов 2-го и 3-го необходимо при сопоставлении региональных вариантов определить основание для сравнения, т. е. в нашем случае выяснить, что такое сослагательное наклонение и какие формы его образуют.

Мнения лингвистов, советских и зарубежных, едины лишь в отношении двух форм — *be, were* (для всех лиц). Следуя классификации А. И. Смирницкого, назовем их соответственно сослагательным I и сослагательным II. Что же касается конструкций *should + инфинитив* и *should/would + инфинитив*, то здесь взгляды лингвистов расходятся.

Так, советские лингвисты склонны рассматривать их как аналитические формы сослагательного наклонения в отличие от американских структуралистов, не признающих аналитических форм вообще. Мы уже упоминали о причинах, мешающих согласиться с тем, что *should + инфинитив* и *should/would + инфинитив* образуют аналитические формы сослагательного наклонения [3]. Поскольку *be, should + инфинитив* употребляются в одних окружениях (не всегда), мы сочли целесообразным рассматривать форму сослагательного наклонения *be* и ее синоним — конструкцию *should + инфинитив* вместе. Конструкцию же *should/would + инфинитив* рассматривать вместе с *were* не имеет смысла, потому что они не встречаются в одних и тех же окружениях. Исключением являются придаточные, в которых после *wish* или *if* употребляется *would + инфинитив*. В таких случаях говорят о модальном *would*, несмотря на то, что оно может употребляться в стянутой форме.

«*I wish you'd let me help. I get plenty of free time, you know*» (Kingsley Amis. *Take a Girl Like You*, p. 103).

Допустим, что *were, should/would + инфинитив* находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. Можно ли на этом основании называть *should/would + инфинитив* аналитической формой сослагательного наклонения? Наверное. Но можно предположить, что это — аналитическая форма, входящая в другую категорию. При поверхностном взгляде, например, заметно сходство между «будущим в прошедшем» и данной конструкцией. Однако сходство между «будущим в прошедшем» и *should/would + инфинитив* в периодах нереального условия кончается, когда за *should/would* следует перфектный инфинитив. В отличие от «будущего в прошедшем», где перфектный инфинитив выражает предшествование по отношению к моменту в будущем, пер-

фектный инфинитив после *should/would* в периодах нереального условия в большинстве случаев относит действие к прошлому, т. е. употребляется в той же функции, что и после модальных глаголов: *should, ought to, must* и др. Если попытаться преобразовать заимствованное нами у Адамса предложение «If Oswald hadn't shot Kennedy in Dallas, then no one else would have», то получим.* If Oswald hasn't shot Kennedy in Dallas, then no one else will have, где, согласится читатель, *will* не является вспомогательным глаголом будущего времени.¹

Обратившись к книге Шейрвекса [19, с. 335], находим, что *will* может выражать не только значение «будущего», но и значение «предположения», а с перфектным инфинитивом — «предположения о том, что могло иметь место в прошлом»: This departure from convention will have been remarked in army circles with wistful envy. Конечно, *will* + перфектный инфинитив встречается гораздо реже, чем *would* + перфектный инфинитив, но то же самое можно сказать и о модальных глаголах *shall, should*.

Отсюда следует, что критерий дополнительной дистрибуции не позволяет с полной уверенностью говорить о том, что *should/would* + инфинитив является вариантом сослагательного наклонения 2. Поэтому, рассматривая формы сослагательного 2 в региональных вариантах английского языка, мы не будем учитывать конструкцию *should/would* + инфинитив.

Формы сослагательного наклонения и их синонимы рассматриваются в двух аспектах. С одной стороны, на материале газет анализируется их употребление в письменной речи; с другой — на материале опроса информантов — их употребление в устной речи или, по крайней мере, в общеречевом опыте информантов — носителей английского языка.

При сравнении данных по региональным вариантам, а также данных анализа газетных текстов и ответов информантов мы пользовались критерием Юла-Кендала, предложенным Эллегардом [14], Ридом [18] и, с некоторыми отличиями, Б. Н. Головиным [1].

При сравнении долей (относительных частот) какого-либо явления в двух совокупностях находят значение величины $\frac{AD}{SE}$, где *AD* — разность двух сравниваемых долей, а *SE* — их стандартная ошибка, которая вычисляется по формуле

$$SE = \sqrt{\frac{p_1 q_1}{n_1} + \frac{p_2 q_2}{n_2}}$$

Если при сравнении долей $\frac{AD}{SE} \geq 3$, то расхождение долей считается существенным, т. е. его нельзя объяснить законами статистического варьирования [1]. Эллегард утверждает, что достаточно, чтобы

¹ Мы предвидим возражения по поводу этой трансформации. Ибо один из наших информантов, преподавательница английского языка, сказала, что полученная нами трансформация противоречит логике, но в другой ситуации та же конструкция вполне приемлема, и привела пример: If she hasn't locked the door then no one else will have done.

$\frac{AD}{SE} \geq 2$, так как в этом случае мы имеем 95% вероятности того, что расхождения долей не случайны. Рассмотренный критерий удобен тем, что учитывает размеры выборок, но прямо не зависит от них. Сослагательное I редко встречается в других окружениях, поэтому мы рассматриваем его употребление в дополнительных предложениях после глаголов demand, suggest и т. д. В табл. I представлены частоты и доли be — сослагательного I, should — синонима сослагательного I, should + инфинитив, does (формы изъявительного наклонения) и нераспознанные синтетические формы, например, go в предложении I demand they go, поскольку формы сослагательного I и изъявительного наклонения при подлежащем во множественном числе омонимичны.

Данные газетных выборок свидетельствуют о том, что в письменной речи AE, AuE, Can E, NZE преобладает сослагательное I (при сравнении их с BE $\frac{AD}{SE}$ всюду превышает 3, что исключает случайный характер колебаний долей). В BE преобладает синоним сослагательного I — should + инфинитив. В письменной речи BE заметно употребление форм индикатива, особенно при сравнении AE и BE, где $\frac{AD}{SE} \geq 3$.

Данные опроса информантов свидетельствуют о том, что в разговорном NZE употребление сослагательного I заметно падает по сравнению с языком газет, и BE и NZE существенно отличаются от других вариантов. В BE все три формы в речи информантов распределяются равномерно, а в NZE несколько преобладает индикатив (does).

Данные таблицы I позволяют также судить о том, насколько опрос информантов отражает употребление в письменной речи. При сравнении газетных данных и показаний информантов по всем ареалам $\frac{AD}{SE} > 2$, кроме AuE, где $\frac{AD}{SE} < 1$. Если же сравнить встречаемость does в газетных выборках и в ответах информантов, то $\frac{AD}{SE}$ для BE, AuE и NZE возрастает.

Итак, синтетические формы встречаются чаще, чем конструкция should + инфинитив во всех ареалах английского языка, кроме BE, где в письменной речи эта конструкция и синтетические формы распределяются приблизительно поровну. Таким образом, говоря о преобладании в BE конструкции should + инфинитив, авторы забывают о том, что в устной речи или, по крайней мере, в общеречевом опыте носителей этого регионального варианта should + инфинитив употребляется намного реже, чем синтетические формы.

Рассмотрим распределение в устных и письменных разновидностях региональных вариантов английского языка форм was и were с 1-м и 3-м лицом единственного числа. Мы намеренно не объединяем эти формы общим термином, так как до сих пор не выяснено, является ли употребление was результатом вытеснения сослагательного 2

Таблица 1
Распределение сослагательного I и его синонимов по ареалам английского языка

Формы	Ареалы	AE		BE		AuE		Can E		NZE	
		час- тоты	доли	час- тоты	доли	час- тоты	доли	час- тоты	доли	час- тоты	доли
be	газеты	275	0,809	124	0,302	48	0,686	157	0,724	22	0,611
	информанты	142	0,728	46	0,218	41	0,612	30	0,638	8	0,296
	газеты	27	0,079	228	0,554	21	0,300	29	0,135	9	0,250
	информанты	18	0,092	66	0,313	10	0,149	12	0,255	7	0,259
should	газеты	4	0,012	36	0,087	1	0,014	—	—	3	0,073
	информанты	7	0,042	84	0,398	12	0,179	1	0,021	11	0,407
	газеты	34	0,100	23	0,056	—	—	31	0,141	2	0,066
	информанты	28	0,144	15	0,071	4	0,060	4	0,085	1	0,038

Таблица 2
Распределение was, were по ареалам английского языка

Формы	Ареалы	AE		BE		AuE		CanE		NZE	
		час- тоты	доли	час- тоты	доли	час- тоты	доли	час- тоты	доли	час- тоты	доли
were	газеты	71	0,845	74	0,655	14	0,933	23	0,767	10	0,476
	информанты	16	0,762	20	0,606	5	0,217	5	0,454	3	0,176
	газеты	13	0,155	39	0,345	1	0,067	7	0,233	11	0,524
	информанты	5	0,238	13	0,394	18	0,783	6	0,546	14	0,824

индикативом или же результатом образования внутри сослагательного 2 оппозиции числа.

Результаты выборочного анализа газетных текстов и опроса информантов представлены в табл. 2.

Анализ данных по газетным выборкам показывает, что во всех региональных вариантах, кроме *NZE*, форма *were* преобладает. Но при сравнении долей *were* критерий $\frac{AD}{SE}$ показывает существенные расхождения между *AE* и *BE*, *AE* и *NZE*, а также между *BE* и *AuE* и *AuE* и *NZE*.

Данные опроса информантов свидетельствуют о заметном увеличении доли *was* повсеместно, а особенно в *AuE* и *NZE*, которые здесь не имеют существенных расхождений, а *NZE* существенно отличается от *BE* ($\frac{AD}{SE} = 3,4$).

Итак, нормы употребления *was/were* в письменной и устной речи в *AE*, *BE*, *Can E* почти не различаются, так как отклонения долей при сравнении данных выборов из газет и опроса информантов можно признать случайными при $\frac{AD}{SE} < 2$. Но между письменными и устными нормами *AuE* и *NZE* существуют большие расхождения, которые не объясняются случайным колебанием частот, так как $\frac{AD}{SE}$ в случае *NZE* равна 2,1, а в случае *AuE* — 6,7.

Сравнивая употребление форм сослагательного наклонения, замечаем, что для *AE* характерно сохранение форм сослагательного наклонения. Если же говорить отдельно о сослагательном I (*be*), то здесь, пожалуй, трудно сказать, удерживается ли оно как старая форма или же распространение сослагательного I является современной тенденцией. До сих пор считалось, что распространение сослагательного I в региональных вариантах происходит под влиянием *AE*. Данные же исследования Т. В. Клейненберг говорят о том, что употребление сослагательного I начало возрастать с периода второй мировой войны, который, например, Барбер называет началом американского влияния на *BE*. Таким образом, распространение сослагательного I следует считать общей тенденцией для всех ареалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головин Н. Б. Язык и статистика. М., «Просвещение», 1971. 191 с.
2. Домашнев А. И. Очерк современного немецкого языка в Австрии. М., «Высшая школа», 1967. 180 с.
3. Дороних А. І. Про умовний спосіб в англійській мові. — «Вісник Харк. ун-ту», 1974, № 111. Іноземні мови, вып. 7, с. 42—47.
4. Клейненберг Т. В. Об особенностях использования сослагательного наклонения I в газетах США. — «Учен. зап. Ярослав. пед. ин-та», вып. 94. 1971, с. 30—36.
5. Макаев Э. А. Принципы сопоставительного изучения современных германских литературных языков. — В сб.: Норма и социальная дифференциация языка. М., «Наука», 1969, с. 69—87.
6. Общее языкознание. М., «Наука», 1970. 605 с.

7. Орлов Г. А. Некоторые особенности австралийского варианта современного английского литературного языка. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1968. 25 с.
8. Реферовская Е. А. Французский язык в Канаде. Л., «Наука», 1972. 216 с.
9. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. 440 с.
10. Степанов Г. В. О национальном языке в странах Латинской Америки.— В сб.: Вопросы формирования и развития национальных языков. М., Изд-во АН СССР, 1960, с. 143—157.
11. Швейцер А. Д. Литературный язык в США и Англии. М., «Высшая школа», 1971. 200 с.
12. Щур Г. С. Об одном случае сближения норм в морфологии британского и американского вариантов английского языка.— В сб.: Норма и социальная дифференциация языка. М., «Наука», 1969, с. 87—103.
13. Ernest W. Adams. Subjunctive and Indicative Conditionals.— «Foundations of Language», Vol. 6, N 1, 1970, p. 89—91.
14. Ellegard A. The Auxiliary Do. Göttenburg Studies in English, 11, Stockholm, 1953.
15. Geoffrey N. Leech. Meaning and the English Verb. 1971. 120 p.
16. Mark M. Orkin. Speaking Canadian English. London, 1971. 160 p.
17. Quirk R., Marckwardt A. H. A Common Language. British and American English. 1964.
18. Reed David W. A Statistical Approach to Quantitative Linguistic Analysis.— «Word», Vol. V, N 3, 1949, p. 235—247.
19. Scheurweghs G. Present-Day English Syntax. London, 1961. 434 p.
20. Turner G. W. The English Language in Australia and New Zealand, 1966.

Р. В. ЕФИМОВ, канд. филол. наук

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НОМИНАЦИИ

Чувственное восприятие дает предмет, разум — название для него... Что же такое название? Служащий для различения знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его целостности.

Л. Фейербах

Номинацию (именование) принято рассматривать как результат закрепления процессов отражения действительности в сознании человека с помощью языковых знаков при осуществлении им того или иного вида деятельности: предметно-практической, умственно-теоретической, общественно-производственной или коммуникативной. Под последней понимается создание и реализация взаимного речевого общения [8, с. 5—12].

При изучении такого сложного явления, как номинация, в центре внимания исследователей находились, однако, преимущественно лингвистические аспекты номинации, сводимые нередко к установлению соотношенности слова с предметом мысли на основании выделения у объекта какого-нибудь признака. Даже в «насквозь психологическом» труде видного представителя сравнительно-исторического языкознания Г. Пауля «Принципы истории языка» вопросы именования

решаются с лингвистических позиций: обозначение нового предмета трактуется им как простой перенос имеющегося названия на новое понятие или как образование сложного или производного слова от простого названия [5, с. 40].

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть номинацию как сложный процесс, имеющий, по крайней мере, два аспекта изучения: психологический и лингвистический. Одновременно ставится вопрос о природе значения языкового знака, возникающего в процессе номинации.

В основе номинации лежит двуединый процесс: 1) выделение внеязыкового признака предмета или явления, необходимого и достаточного для распознавания обозначаемого в акте общения; 2) соотнесение выделяемого признака с определенной совокупностью языковых знаков. Выделение внеязыкового признака относится к области психологии восприятия: среди свойств предмета наблюдатель фиксирует тот или иной признак и превращает его в оперативную единицу восприятия. Выделение признака носит, как правило, осознанный характер, определяется целевой установкой и — при совершении человеком предметно-практической деятельности — относится к первой, чувственной ступени познания. Выделив какой-либо признак предмета, наблюдатель сопоставляет его со сходными признаками других известных ему предметов, а затем объективирует выделенный признак, превращая оперативную единицу восприятия в языковой знак. Таким образом, в процессе номинации можно наметить два этапа: психологический (поиск и фиксирование внеязычного признака предмета) и лингвистический (соотнесение внеязыкового признака предмета со сходными признаками обозначенных предметов). Второй этап номинации относится к абстрактной ступени познания.

Приведем пример реконструктивной номинации животного «кит» (нем. Wal). Человек наблюдает неизвестное животное, плавающее в воде. На основании чувственно воспринимаемых признаков животного (хвостовой плавник, боковые плавники, гладкая поверхность тела) он сравнивает его с другими обитателями воды, которые обладают этими же признаками. По сходству сравниваемых признаков неизвестное животное включается в класс животных, уже имеющих название, в нашем случае в класс рыб. Оперативной единицей восприятия неизвестного животного выступает признак *в е л и ч и н ы*, который и кладется в основу его наименования: нем. Wal первоначально означало «большая рыба». Позднее, с утратой этого значения у слова Wal, отнесенность кита к классу рыб подчеркивается чисто лингвистически, путем образования тавтологической композиты Walfisch. Когда обнаружилось, что выявленные признаки оказались несущественными для включения кита в класс рыб, на основании других признаков он был отнесен к классу млекопитающих, что нашло свое отражение в возвращении к исходной форме слова Wal.

Следует отметить, что поиск признака и объективация его в языковой знак имеют место не только при совершении предметно-практической деятельности, связанной с номинацией чувственно воспринимаемых предметов. В процессе умственно-теоретической деятельности,

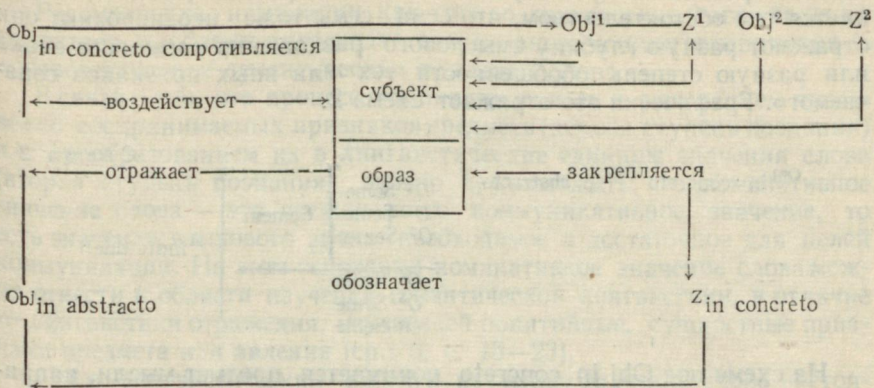
связанной с наименованием абстрактных явлений, выбор или конструирование языкового знака также может происходить с учетом чувственно воспринимаемого признака (-ов), принимающего иногда образную форму. Так, один из основателей кибернетики Н. Винер писал о трудностях поиска слова для названия этой области науки. В конце концов было решено назвать новую область науки термином «кибернетика» (от греческого слова «кормчий»), образно отражающим теорию управления и связи в машинах и живых организмах [1, с. 23]. Как свидетельствуют исследования словарного богатства К. Маркса и Ф. Энгельса, эмоциональные, образные моменты определенных явлений общественной жизни учитывались ими при выработке таких сугубо абстрактных терминов политэкономии, как «рабочий», «эксплуатация», «революция» [9, с. 212—214].

Итак, два этапа номинации — психологический и лингвистический — могут рассматриваться как два аспекта изучения процесса именования. Такой подход оправдан методически, но с точки зрения реального процесса создания имени (слова) он вряд ли может быть признан удовлетворительным. Представляется, что поиск внеязыкового признака осуществляется носителем языка не изолированно, а на лингвистическом фоне, с учетом индивидуального языкового опыта и языкового чутья. Другими словами, номинация предстает как единый одновременно осуществляемый процесс, процесс психо-лингвистический. Поясним эту гипотезу рассмотрением знаковой ситуации при номинации.

В процессе номинации основная знаковая ситуация, восходящая к известному треугольнику К. Огдена и И. Ричардса (соотношение между словом, его значением и предметом), выглядит следующим образом. Субъект воспринимает неизвестный предмет мысли *in concreto*, либо при воздействии на него в процессе деятельности, либо при воздействии предмета мысли на субъекта. В процессе одностороннего или двустороннего воздействия субъектом выделяются сходные и различительные признаки данного предмета, которые сравниваются им с аналогичными признаками предметов, имеющими знаковую соотнесенность. Различительный признак становится оперативной единицей восприятия и служит основанием для формирования образа (представления) о выделяемом признаке. Образ отражает признак в обобщенной форме, признак предмета *in abstracto*, и, объективируясь человеком, закрепляется им в языковом знаке. Причем, для процесса номинации языковая субстанция в целом безразлична, т. е. результат номинации может реализоваться либо путем простого переноса имеющегося названия на новое обозначаемое, что приведет к расширению смысловой структуры имеющегося слова вплоть до образования омонимов, либо путем создания неологизма по той или иной словообразовательной модели; графически процесс номинации представлен на схеме 1:

В связи с рассматриваемой проблемой представляют интерес примеры, приводимые Г. Зеелендером из области спонтанного словотворчества глухонемых школьников. Если для нормального ребенка процесс номинации — это прежде всего заучивание готовых слов, про-

Схема 1

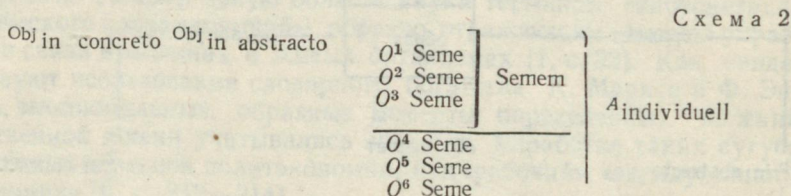

Примечание. Прерывистые линии показывают опосредствованную соотношенность между предметами мысли и языковыми знаками; Obj¹ in concreto — предмет мысли (денотат); Obj¹, Obj², Z¹, Z² — предметы мысли, имеющие знаковую соотношенность; Obj² in abstracto — предмет мысли in abstracto (сигнификат); Z¹ in concreto — языковой знак предмета мысли, подлежащий обозначению.

цесс сопоставления акустического образа слова с тем или иным зрительно воспринимаемым предметом, тогда для глухонемого ребенка акустическое звено номинации выпадает. Для него решающее значение приобретает, по-видимому, зрительно воспринимаемый признак предмета, на основании которого формируется зрительный образ. Сопоставляя неизвестный предмет по тому или иному признаку с известными предметами, глухонемые создавали следующие «неологизмы»: Autostall für Garage, Baumfüsse für Wurzel, Draussenlampe für Strassenleuchte, Einradwagen für Schubkarre, Fußfinger für Zene, Nobelhaare für lockiges, kurzes Haar, Hochschieber für Kartenständer, Holzflasche für Kegel, Lochtasche für Netz, Spritzbrunnen für Springbrunnen, Wassergieße für Gießkanne u. а. т. Данные примеры, на наш взгляд, косвенно свидетельствуют о реальном психо-лингвистическом процессе номинации с учетом специфики психики глухонемых [10, с. 55—56].

Изучение номинации как психо-лингвистического процесса по-новому ставит и проблему изучения значения слова. Смысловая структура слова предстает сложным образованием: она может быть смоделирована как определенным образом организованная совокупность отношений единиц различных уровней отражения. Признавая, что в языковых знаках могут быть закреплены результаты отражения двух основных ступеней познания — чувственной и абстрактной, мы полагаем, что лингвистически это можно интерпретировать как наличие в слове различных лексико-семантических вариантов, имеющих в свою очередь сложную структуру в виде совокупности сем (семантических признаков). Таким образом, лексико-семантические варианты слова соотносятся нами с первой ступенью познания, точнее с результатами отражения первой ступени познания, а семы соотносятся с резуль-

татами отражения второй ступени познания. Проблема, однако, осложняется тем обстоятельством, что семи семы тоже неоднородны: они отражают разную глубину смыслового разложения языкового знака или разную степень обобщенности тех или иных признаков oznaчаемого. Графически это отражает схема 2.

На схеме под Obj in concreto понимается предмет мысли, например, *дом*. В целях простоты изложения допускается, что лексема *дом* моносемантическая, то есть ее смысловая структура состоит из одного лексико-семантического варианта, семемы. Под Obj in abstracto понимается обозначаемое или психический образ предмета; O^1 , O^2 , O^3 — это понятийные элементы отражения предмета мысли различной степени абстракции, совокупность которых образует семему (Semem). Например, под O^1 можно понимать «элементы сооружения»: «стены» и «крыша»; под O^2 — функциональное назначение: «для проживания, размещения»; под O^3 — «человек», «люди». Таким образом, лексико-семантический вариант лексемы *дом* означает «сооружение из стен и крыши для человека, людей». Под O^4 , O^5 , O^6 понимаются элементы отражения предмета мысли более низкой степени абстракции, соотносимые с личным опытом данного носителя языка, например: O^4 — «место расположения дома», O^5 — «период проживания в нем», O^6 — «родственники, проживавшие в доме» и т. д. Итак, семы O^4 , O^5 , O^6 отражают факультативные признаки предмета мысли, основанные на личном опыте, но не ставшие коммуникативно или познавательно значимыми для общества. A individuell — это понятие о предмете мысли, существующее у данного носителя языка. Как явствует из схемы, A individuell включает в себя как общественно значимые, так и индивидуальные элементы отражения, приобретенные носителем языка за определенный период его жизни и деятельности.

В психологическом плане выделенные элементы значения слова *дом* (семема и семы) предстают как определенным образом структурированные отношения, как ассоциативная структура, локализованная в различных участках коры головного мозга [ср.: 3, с. 11; 7, с. 24—32]. Кратко говоря, психологическое значение слова — это знание ассоциаций. Если звуковая (графическая) форма слова удерживает общественно необходимые элементы значения слова в виде фиксированной структуры лексико-семантических вариантов слова in abstracto, то ассоциативная структура слова удерживает эти же (и дополнительные) элементы значения слова in concreto. Это значит менее жестко, лабильно, неполно и т. п., то есть с учетом личностной характеристики носителя языка и его социального окружения.

Какие же выводы можно сделать из вышеизложенного?

Рассмотрение номинации как психо-лингвистического явления выдвигает проблему «перевода» оперативных единиц восприятия в соответствующие семантические признаки слова.

В связи с тем, что процесс номинации связан с выделением чувственно воспринимаемых признаков предмета (первая ступень познания) и с преобразованием их в лингвистические единицы значения слова (вторая ступень познания), можно предположить, что номинативное значение слова — это прежде всего коммуникативное значение, то есть значение языкового знака, необходимое и достаточное для целей коммуникации. На этом основании номинативное значение слова можно отнести к области изучения семантической лингвистики, в отличие от лингвистики отражения, изучающей понятийные, сущностные признаки предмета или явления [ср.: 6, с. 13—23].

Психо-лингвистический подход к изучению значения слова настоятельно требует привлечения, наряду с лингвистическими методами, анализа методов, созданных при изучении высшей нервной деятельности человека. Применение объективных методов анализа, имевшее место, например, при изучении семантических связей между словами [4, с. 27—63], позволит представить процесс номинации в его реальности. Последнее имеет не только теоретическое, но и практическое значение при изучении языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. Перев. с англ. М., «Советское радио», 1958. 215 с.
2. Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., Гос. учеб.-пед. изд-во, 1966. 331 с.
3. Леонтьев А. А. Психологическая структура значения. — В сб.: Семантическая структура слова. М., «Наука», 1971, с. 7—19.
4. Лурья А. Р. и Виноградова О. С. Объективное исследование динамики семантических систем. — В сб.: Семантическая структура слова. М., «Наука», 1971, с. 27—63.
5. Пауль Г. Принципы истории языка. Перев. с нем. М., Изд-во иностранной литературы, 1960. 450 с.
6. Слюсарева П. А. Проблемы лингвистической семантики. — «Вопросы языкознания», 1973, № 5, с. 13—32.
7. Тонконогий И. М. Введение в клиническую нейропсихологию. Л., «Медицина», 1973. 254 с.
8. Хартунг В. К вопросу о соотношении деятельности и речевой коммуникации. — В сб.: Общая и прикладная психолингвистика. М., Изд-во института языкознания АН СССР, 1973, с. 5—12.
9. Fratzke U. «Arbeiter» — «Ausbeutung» — «Revolution». — «Sprachpflege», 1974, Heft 10, S. 212—214.
10. Seeländer H. Wortschöpfungen gehörloser Schüler. — «Sprachpflege», 1974, Heft 3, S. 55—56.

О СИСТЕМЕ МЕСТОИМЕННОГО ЗАМЕЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о системе местоименного замещения как самостоятельная теоретическая проблема языкознания пока еще не был поставлен.

Первым ученым, определившим замещение как своеобразное явление языка, является, как известно, Л. Блумфильд. Он считает, что в определенных условиях вместо любого представителя какого-либо класса слов может выступать его заместитель, т. е. определенная языковая форма. Все слова, которые могут быть употреблены там, где стоит существительное, считает автор, являются субстантивными заместителями независимо от того, имеется ли в контексте конкретное существительное, подлежащее замещению. На этом основании Блумфильд относит к заместителям местоимения: *I, you, nobody, nothing, it (it is raining), there (there is a book here)*, которые не выполняют заместительной функции. В работах отечественных лингвистов В. П. Кобкова, Н. В. Варгиной местоименное замещение тоже трактуется широко.

Отдельные виды местоименных заместителей исследуются во многих работах (см., например, 1, 6—9), однако в целом система местоименного замещения и ее свойства не описаны. Наряду с выявлением этой системы в английском языке и описанием ее функциональных свойств в статье дается квантитативный анализ местоименных заместителей.

С этой целью использовались пьесы современных английских и американских авторов. Было проанализировано 20 тыс. местоимений английского языка.

При выявлении местоименных заместителей мы исходим из того, что заместителем является всякое анафорическое местоимение, употребленное вместо своего антецедента, с которым оно (местоимение) связано отношением линейного предшествования. Иногда встречаются случаи, когда заместитель предшествует антецеденту: *That he was unpopular didn't disturb Oscar*. Однако они имеют весьма узкое распространение и представляют собою исключения, которые не принимаются нами во внимание.

Объем информации заместителя и антецедента одинаков, именно поэтому местоимения-заместители употребляются вместо антецедентов. Пользуясь терминологией Б. Палека [10], анализируемые здесь местоименные заместители можно назвать идентификаторами.

От явления замещения следует отличать сходное с ним явление репрезентации. Имеются в виду предложения типа *there are two umbrella — stands in which are a walking stick and two umbrellas, one newer than the other* [11, с. 93]. *Those two men are fine, each in his way* [11, с. 23]. Подчеркнутые местоимения не выполняют заместительной функции, они являются представителями именного сочетания с опущенными существительными.

Используемая здесь классификация выявленной нами системы местоименного замещения несколько отличается от традиционной [подробнее об этом см. 4]. Она включает в себя следующие семантические классы местоимений:

1) личные местоимения 3-го лица — *he(him), his, she(her), hers, it(it), its, we(us), ours, they (them), theirs*, а также личные местоимения первого и второго лица *mine, yours* в абсолютной форме притяжательного падежа;

2) указательно-субстантивные: *this, these, that, those, so*;

3) неопределенные: *one, both, the others*;

4) соединительные: *that, which, who*.

Местоименные заместители представляют собой неоднородный класс слов, который можно подразделить на три группы в зависимости от заменяемых ими типов antecedentов:

1. Морфологические заместители, т. е. такие, antecedентами которых являются слова или группы слов.

2. Синтаксические заместители, т. е. такие, antecedентами которых являются предикативные единицы.

3. Морфолого-синтаксические заместители, т. е. такие, antecedентами которых могут быть как слова, так и предикативные единицы.

Самой многочисленной является группа морфологических заместителей. Она состоит из 19 видов местоимений: *he(him), his, she(her), hers, it(it), its, we(us), ours, they(them), theirs, mine, yours, which, who, both, these, those, the others, one*.

Личные местоимения, как правило, замещают существительное с его определениями, например:

A man of 87 wanted to cross the road. But there was a lot of traffic. So he crawled under a lorry [11, c. 111] «It was a girl.» — «How did she do it?» [11, c. 112] A lot of people mightn't consider our job a very nice job. — Ours? — Yes, ours. Mine [11, c. 104].... noticing the ring on his hand, stroking hers [11, c. 100]. The two rooms of my floor are a little large. — But they are pretty small [11, c. 24].

В отличие от личного местоимения they неопределенно-личное местоимение *it* никогда не выполняет заместительной функции: *They say it's good for complexion [12, c. 71]*.

Личные местоимения в абсолютной форме притяжательного падежа не являются заместителями, когда используются в стилистических целях: *The tenant on that farm of yours [12, c. 21]. We came over here to see a chiner of ours [11, c. 64]*.

Местоимения *who* и *which* выполняют двойную функцию — замещения и соединительную. Эти местоимения, как правило, замещают существительное или местоимение: *... it was the North Shore of the Moon Lake which used to be the old channel [12, c. 228]. If you did get drunk it is not you who should blame me [12, c. 60]*.

Местоимение *both* употребляется для замещения двух существительных или целого именного словосочетания, в котором зависимым словом является числительное *two*:

Ben is lying on the bed. Gus is sitting on the bed right. Both are dressed in shirts [11, c. 111]. Two picture frames. Both are empty [11, c. 24].

... she did say you got familiar. I said, «How?» by his talk or behavior?» And she said, «Both» [12, с. 255].

В тех случаях, когда both употребляется для эмпазы, оно не является заместителем: Both of these women are as common as dirt [12, с. 245].

Местоимение the other является заместителем существительного лишь во множественном числе:

One of my pictures is hung on the exhibition in Audubon Park museum and they have asked for others [12, с. 269]. The poor pigs had caught their death of cold. Many of them were dying of pneumonia and several others had been taken down with cholera [12, с. 22].

Указательно-субстантивные местоимения these, those замещают существительные во множественном числе: The cities have the same name. But those are different [12, с. 275].

Заместитель one занимает особое место в системе местоименного замещения. Это местоимение замещает существительное с его детерминативами: The blondy woman from North Crumbling? — Yes, and there is another blondy one with her [11, с. 50]. It's an old dog, it's certainly an old one [11, с. 28].

Эту особенность местоимения one можно объяснить тем, что оно произошло от числительного ān [5, с. 73].

Другой особенностью заместителя one является то, что он употребляется всегда с детерминативом: There is another one with her [11, с. 50]. You are a vegetable, and a slight near-sighted one [11, с. 37].

К группе синтаксического замещения относится всего лишь одно слово — so. Фактически синтаксических заместителей гораздо больше, но они смешанного типа — морфолого-синтаксические.

Местоимение so может замещать: 1) простое, 2) придаточное, и 3) сложно-подчиненное предложения:

1. — You are young at 30.
— I hope so [12, с. 239].
2. — She just told me she wants to go.
— Is that so? [12, с. 217].
3. — That's the way the cookie crumbles.
— Yes, I guess so [11, с. 21].

Заместитель so имеет фиксированное место в предложении, как правило, в конце. Хотя встречаются случаи, когда so употребляется в начале предложения:

- You used to like me that way.
- So you always wanted to believe [12, с. 175].

Местоимения it, this, that составляют группу морфолого-синтаксических заместителей. При замещении предложения (предложений) местоимением it местоименное значение «личности» стирается и приобретает новое значение — «указательности». Квантитативный анализ выборки показывает, что it функционирует как морфологический заместитель чаще, чем синтаксический. На 1 тыс. примеров употребления морфологического замещения приходится 407 случаев синтаксического замещения it.

It как синтаксический заместитель может употребляться вместо:

1) простого предложения, 2) сложно-подчиненного предложения, 3) нескольких последовательных простых предложений.

1. — Man is a dog's best friend.

— *It seems like a perfectly sensible idea* [11, с. 112].

2. — If he overcomes you it won't be your fault.

— I know *it* [11, с. 106].

3. — You have a certain dignity. Besides you are not silly.

— *It surprises me* [11, с. 37].

Самой характерной функцией синтаксического заместителя *it* является замещение простого предложения. Об этом свидетельствуют данные квантитативного анализа.

простое предложение — 325

последовательность простых предложений — 54

сложно-подчиненное предложение — 28

It как морфологический заместитель замещает существительное с его детерминативами:

Gus brings out a *pasket of tea*. He examine *it* and looks up [11, с. 161].
Peter taps out *his pipe* and puts *it* in his posket [11, с. 20].

Морфолого-синтаксический заместитель *this* может замещать: 1) простое предложение, 2) последовательность простых предложений, 3) придаточное предложение:

1. — I'll sing you a lullaby. Will you like this? [12, с. 157].

2. — That's a lousy thing to say. I don't mean your behaviour. (M. decides to ignore *this*) [12, с. 30].

3. — And it came to pass that the beast was deathly ill. I knew *this* because he no longer attended me [11, с. 30].

Морфолого-синтаксический заместитель *that* может употребляться вместо: 1) простого предложения, 2) последовательности простых предложений, 3) сложного предложения:

1. — You won't ever speak with them about it?

— You can be sure of *that* [12, с. 177].

2. — You know how far I got, six miles out of town, hooted, jeered at, even spit on—every step of way—and then arrested, Guess what for?—Lewed Vargancy! Because they said that potato sack I had on was a respectable garment. All *that* was a pretty long time ago [12, с. 243]. В этом примере *that* замещает целую группу предложений простых и сложных.

3. — I just wasn't in love with him when he were young.

— You know *that* [12, с. 181].

Нетрудно видеть, что *this* и *that* в функции синтаксических заместителей синонимичны по значению. Различаются они частотностью употребления: местоимение *that* встретилось в анализируемых текстах 44 раза, *this* — 84 раза, т. е. *that* употребляется в три раза чаще, чем *this*. Местоимения *this* и *that* в функции синтаксических заместителей синонимичны местоимению *it* в этой же функции.

This и *that* синонимичны, когда употребляются в функции морфологических заместителей:

He got a *piece of my trousers leg*. He got *that* the second day I lived there [11, с. 28]. I've told you, where is *Birmingham*. *This* is in the Midlands. [11, с. 115].

Примечание: Для проанализированных выше местоимений заместительная функция является постоянной. Местоимение *all* в заместительной функции выступает лишь изредка: *Seems we don't know the old place. It's all in here* [11, с. 116]. Но: *No complain, sir. — All correct, sir* [11, с. 57]. *All* является непостоянным заместителем и в систему местоименного замещения не включается.

Квантитативный анализ показывает, что система местоименного замещения составляет 42,6% от общего количества местоимений, т. е. почти половину системы местоимения.

Морфологические заместители составляют 75,7%, синтаксические — 0,5%, морфолого-синтаксические — 23,8%.

В группе морфологических заместителей наибольшей частотой употребления характеризуются личные местоимения: *he (him)* — 2 908, *she (her)* — 744, *we (us)* — 521.

Из морфолого-синтаксических заместителей наиболее частотными являются: *it* — 1 407, *that* — 481.

Итак, система местоименного замещения состоит из 23 видов местоимений. По выполняемой ими функции заместители подразделяются на 3 группы — морфологические, синтаксические, морфолого-синтаксические.

Морфологические заместители состоят из четырех классов местоимений — личных, указательно-субстантивных, неопределенных и соединительных. Наибольшей частотностью употребления характеризуются личные местоимения.

«Чисто» синтаксический заместитель представлен лишь местоимением *so*. Частотность его употребления наименьшая в системе местоименного замещения.

Морфолого-синтаксические заместители представлены тремя видами местоимений — *it*, *this*, *that*. Из них самыми употребительными являются *it*, *that*.

Из трех групп заместителей самой многочисленной и употребительной (75,7%) является группа морфологических заместителей.

Система местоименного замещения составляет почти половину всей системы местоимения (42,6%).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ариинштейн В. М. Лексико-грамматические особенности слова-заместителя *опе* в атрибутивных неанафорических сочетаниях и вне атрибутивных сочетаний. — «Учен. зап. Калнинского пед. ин-та», 1966, т. 47.
2. Блумфильд Л. Язык. М., «Прогресс», 1963. 607 с.
3. Варгина Н. В. Развитие субстантивного слова-заместителя *опе* в английском языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. 1963. 18 с.
4. Ещенко Ю. Ф. К вопросу о местоимении как части речи. — «Вестн. Харьк. ун-та», 1974. Иностр. языки, вып. 8.
5. Кобков В. П. Способы выражения повторяющихся смысловых компонентов в структуре предложения в современном англ. языке. Автореф. соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1965. 27 с.
6. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., «Наука», 1974. 290 с.
7. Тростянская З. К. Синтаксический слово-заместитель *it* в структуре простого предложения современного английского языка. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Киев, 1955. 27 с.

8. Устинова Н. Ф. Местоимение как часть речи в английском языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1954.
9. Ярцева В. Н. Слова-заместители в современном английском языке. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та, 1949, т. 87.
10. Palek V. Cross-reference. A Study from Hypersyntax. Praha. Universita Karlova, 1968.
11. Modern English Plays. «Progress» Publishing House, M., 1971.
12. Modern American Plays. «Progress» Publishing House, M., 1972.

Ю. Ф. ЕЩЕНКО, канд. филол. наук

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ МЕСТОИМЕННОГО ЗАМЕЩЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Вопрос о местоимении как части речи не изучен полностью в русском языке. «За последнее десятилетие интерес к местоимению по-прежнему невелик. Большей частью местоимения освещаются различными авторами при общей характеристике определенного периода развития языка или эволюции одной из его сторон, при описании системы местного говора или наречия, но предметом самостоятельного изучения местоимения являются весьма редко» [3, с. 5].

Это же относится и к местоименному замещению. В работах некоторых грамматистов исследуются лишь отдельные виды анафорических местоимений [1, 2, 4], но в целом система местоименного замещения русского языка не описана.

С целью анализа местоименных заместителей русского языка использовались пьесы советских писателей: А. Горького, К. Тренева, А. Крона и других. Для сопоставительного анализа использовались тексты английских и советских авторов одинакового объема (400 тыс. знаков каждый).

Выявление системы местоименного замещения в русском языке проводилось на основании тех же критериев, что и в английском языке (см. об этом в предыдущей статье настоящего «Вестника»).

Система местоименного замещения в русском языке состоит из тех же семантических классов местоимений, что и в английском языке: личных, указательных, неопределенных и соединительных, которые могут замещать как слово (или группу слов), так и предикативную единицу (единицы). Соответственно они подразделяются на три группы: морфологическую, морфолого-синтаксическую, синтаксическую.

Морфологические заместители представлены местоимениями: *он, она, они, мы, вы, ей, оба, который*. (Они выполняют заместительную функцию не только в именительном, но и в других падежах).

— *Кутлов* чем-то на вашей дороге стал.

— А я знаю, что вы на *его* дороге стали [7, с. 194].

— Тетка, куда *офицер* бежал?

— *Он*, милый не бежал, *он* в эту дверочку [7, с. 325].

— Будь знаком, начальник. *Моя жена и дочь*.

— И натерпелись же *они* небось страху в избушке [6, с. 132].

Пусть *все человечество* в свой последний час предстанет гибели чистым и прекрасным... пусть *оно* погибнет с мужественной простотой, с улыбкой! [5, с. 108].

А теперь я взял... вспомнил *твою мать*. Мы вместе с нею читали «Песнь о колоколе».... [5, с. 121].

— У него есть что-то общее с моим отцом.

— Скучают оба [5, с. 99].

Я дал слово, что не назову имени *лица*, которое желает получить деньги [5, с. 21].

В русском языке морфологические заместители представлены меньшим количеством местоимений, чем в английском языке (в русском языке — 8, в английском — 19). Однако функционируют морфологические заместители одинаково в обоих языках.

Квантитативный анализ выборки показывает, что из восьми морфологических заместителей наиболее употребительными являются местоимения *он, она, они*. Местоимение *он* встретилось 852 раза, *они* — 402 раза, *она* — 396.

Подобно английскому языку, в качестве синтаксического заместителя выступает лишь одно местоимение *так*. Как в английском, так и в русском языках синтаксический заместитель функционирует одинаково. Он может употребляться вместо (1) простого и (2) придаточного предложений:

1. — Ты погубил детей!

— Не смей говорить *так*! [5, с. 48—49].

2. — И — вдруг вижу, что вы приносите себя в жертву...

— Я не позволю вам говорить *так*! [5, с. 116].

В качестве морфолого-синтаксического заместителя в русском языке выступает местоимение *это*, замещающая слово или группу слов:

— Она... не очень легкомысленна?

— Есть *это* в ней [5, с. 119].

Есть еще что-то — робкие побеги нового, истинно человеческого красивого, — *это* мне дорого, близко... [5, с. 107].

Местоимение *это* может также замещать: (1) простое предложение (2) последовательность простых предложений, (3) придаточное предложение:

1. — Он не даст денег.

— Вы *это* знаете наверное? [5, с. 16].

Ты всю жизнь ничего не делал, только деньги проживал, а папа *он* командовал людьми, и *это* очень трудно и опасно: вот в него даже стреляли за *это* [5, с. 67]. Ты становишься небрежной: имей в виду, что мужчины терпеть *этого* не могут... [5, с. 15].

2. — Нет, я не говорила... я не знаю — нечаянно ты уронил *ее* или бросил нарочно, из ревности. Но нянька... она видела *это* знает.

— Раз и навсегда — молчать об *этом* [5, с. 31].

3. — Пусть все знают, что ты меня любишь... Разве я не имею права гордиться *этим*? [5, с. 127].

Таким образом, морфолого-синтаксическое замещение в русском языке менее развито. Оно представлено лишь одним местоимением

а в английском — тремя, однако функционирует так же, как и в английском языке.

Сопоставительный анализ систем замещения в английском и русском языках показывают, что в русском языке объем системы местоименного замещения гораздо меньше, чем в английском, что объясняется аналитическим строем английского языка. В русском языке система замещения состоит из 10 видов местоимений, в английском — из 23 видов.

Таблица 1

Система замещения

Виды заместителей

Английский язык			Русский язык		
Морфологические	Морфологосинтаксические	Синтаксические	Морфологические	Морфологосинтаксические	Синтаксические
he she it we they mine yours theirs ours its hers his which who (whose) both the others one these those	it this that	so	он она оно мы они — — — — — — который кто (чей) оба — — —	это	так

Таблица 2

Данные количественного анализа сопоставляемых систем замещения

Язык	Общее количество местоимений	Количество заместителей в системе	Виды заместителей		
			Морфологические	Морфологосинтаксические	Синтаксические
Английский	19971	8464	6407	2013	44
Русский	12112	2003	1825	136	42

Как видно из таблицы, общее количество местоимений в русском и английском языках различно. Это можно объяснить тем, что в разговорном русском языке личные местоимения часто опускаются, так как значение лица уже выражено в личной форме глагола, т. е. в грамматической категории лица:

— Врёшь. Обвенчаешься с Абрамкой [5, с. 7].

— За что били? В карты играл?

— Играл.

— За это и били [5, с. 8].

— Я спал — одиннадцать часов подряд! Лег — в восемь, встал — в семь [5, с. 110].

Что касается заместителей, то здесь расхождения в частотности употребления значительные: в русском языке их встретилось в четыре раза меньше, чем в английском. В сопоставляемых языках частотность видов заместителей занимает одинаковое место. На первом месте в обоих языках стоят морфологические заместители, на втором — морфолого-синтаксические, на третьем — синтаксический заместитель.

Местоименные заместители русского языка функционируют так же, как и соответствующие им заместители английского языка.

Морфологические заместители в обоих языках наиболее многочисленны и характеризуются наибольшей частотой.

Морфолого-синтаксические заместители представлены большим количеством видов местоимений в английском языке. По частотности употребления они занимают второе место в системах замещения в английском и русском языках.

Синтаксическое замещение в обоих языках является наименее развитым: оно представлено лишь одним местоимением и характеризуется наименьшей частотой встречаемости.

Система местоименного замещения в русском языке употребляется в четыре раза реже, чем в английском.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иорданская Л. Н. Об одной проблеме автоматического синтеза: употребление личных местоимений 3-го лица в русском языке. — «НТИ», 1964, № 10.
2. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., «Наука», 1974. 292 с.
3. Федорова М. В. Лексико-грамматические очерки по истории русских местоимений. Изд-во Воронежского ун-та, 1965. 200 с.
4. Шумилина А. Л. Вопросы анализа личных местоимений 3-го лица. — В сб.: Лингвистические исследования по машинному переводу. М., 1961.
5. Горький А. М. Полн. собр. соч. Т. 13. М., «Наука», 1972.
6. Крон А. А. Избранное. М., «Худож. лит.», 1972.
7. Тренёв К. А. Любовь Яровая. М., «Искусство», 1965.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМАХ И ИХ РОЛЬ
В РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Интернациональная лексика в динамическом аспекте тесно связана с языковыми контактами и явлением лексических интерференций. Это понятно, так как двойственная природа интернационализмов¹ (наличие эквивалентных значений при сопоставлении с соответствующими диалексемами в другом языке, с одной стороны, и часто довольно значительное расхождение в смысловых структурах таких слов, с другой стороны) приводит на практике к прямому отождествлению билингвом слов с похожим звуко-графическим образом и частично различающимся смысловым наполнением.

В связи с тем, что интерференция является следствием взаимодействия различных языковых и внеязыковых факторов, в литературе рассматриваются различные типы и виды интерференции в зависимости от ее источника, аспектов взаимодействующих систем, от формы и силы проявления, от степени ее влияния на коммуникативность речевого акта и др. [11, с. 15].

Лексические интерференции как фонетические, так и грамматические, имеют двусторонний характер, но их направление и размеры в каждом конкретном случае зависят в первую очередь от типа двуязычия [8, с. 128]. Семантические интерференции между «ложными друзьями переводчика», как отмечают некоторые авторы, проявляются чаще всего в расширении значения интернационализма, который входит в язык-получатель за счет возникновения дополнительных значений, аналогичных тем, которые имеет интернационализм-аналог в языке-источнике [7, с. 123]. Подтверждением сказанному служат, очевидно, наблюдения Л. А. Родовой за лексическими интерференциями во французском языке у студентов английского отделения, изучающих французский язык в качестве второго иностранного. Автор приводит примеры употребления Φ^1 *caractère* в значении «литературный образ, тип, роль, действующее лицо в драме и т. д.», а также Φ *lecture* в значении «лекция» и Φ *pouvelle* в значении «роман» по аналогии с английскими словами *character*, *lecture* и *novel* [14, с. 206]. Поскольку данные значения отсутствуют в структуре французских слов, то здесь, действительно, имеет место расширение значений Φ *caractère*, *lecture* и *pouvelle* из-за влияния английского языка. С другой стороны, сопоставляя структуры Φ *caractère*, *lecture*, *pouvelle* и A *character*, *lecture*, *novel* следует, очевидно, ожидать также отказа от употребления студентами английского отделения названных французских слов в значениях, которые отсутствуют у их английских диалексем. Аналогичные примеры приводит А. Л. Карлин, наблюдая за интерференциями в немецких интернациональных словах под влиянием русского языка. Автор указывает на возможность как расширения, так и сужения объема значений интернациональных слов

¹ A — английское слово, H — немецкое, P — русское, Φ — французское.

в немецком языке в результате окказионального употребления частично расходящихся семантических структур сопоставляемых слов. Случаи неупотребления русскими билингвами *H Intelligenz* в значении «ум», *H Medizin* как «лекарство», *H Modell* — «натурщица», *H Karton* — «коробка», *H Garnitur* — в значении «украшение, отделка» и др. иногда называют «скрытыми интерференциями», а речь билингва, избегающего использования названных интернационализмов в соответствующих ситуациях, признается обедненной и лишенной идиоматичности [9, с. 69; 10, с. 64].

Проблема интерференции привлекает внимание многих зарубежных и отечественных авторов, однако до сих пор этот термин понимается неоднозначно. Так, У. Вайнрайх, разграничивая понятия языка и речи, различает интерференцию в языке и интерференцию в речи [4, с. 11], другие авторы обозначают этим термином отклонения только на уровне речи [13, с. 198] или только на уровне системных отношений в языке, если речь идет о взаимовлиянии языков в лексике [3, с. 88].

В лингвометодике предлагается различать лингвистическую интерференцию языковых систем (языковую и речевую) и интерференцию языковых навыков. Интерференция навыков может иметь не только отрицательное значение, но и положительное (положительный перенос навыков) [6, с. 131]. Однако если судить по имеющимся в литературе определениям интерференции, то можно заключить, что ее связывают с нарушениями в норме одного или обоих контактирующих языков.

При этом представляется необходимым указать, во-первых, на то, что понятие нормы трактуется по-разному, и, во-вторых, необходимо дифференцировать рассмотрение языковых ошибок, потому что с точки зрения качества информации, по мнению одних авторов, форма, которая противоречит структуре языка, ощущается как менее неправильная, чем та, которая грамматически правильна, но содержит необычное словоупотребление [18, с. 33]. В других работах, анализирующих влияние всех типов интерференций на качество информации, подчеркивается, что основная лингвистическая информация высказывания чаще всего сохраняется, несмотря на стилистические и даже семантические помехи, связанные с нарушениями всех видов сочетаемости слов, стилистического их согласования, статистико-вероятностных закономерностей речи и т. д. [1, с. 23].

Понятие нормы связано с разграничением синхронии и диахронии в языке. Синхрония, как известно, понятие относительное, так как язык постоянно изменяется, но поскольку изменения эти медленны, то носители языка ощущают их только в виде отклонений от нормы. Кроме того, понятие общественной нормы также следует воспринимать как теоретическое состояние языка исходя из того, что общественная норма складывается из индивидуальных норм [7, с. 41].

При разграничении системы и нормы в языке («система охватывает идеальные формы реализации определенного языка, т. е. технику и эталоны для соответствующей языковой действительности», «норма же включает модели, исторически уже реализованные с помощью

этой техники и по этим шаблонам») [12, с. 175] следует признать, что интерференции захватывают как систему, так и норму языка, но ошибка в системе затрагивает уровень понятности высказывания, ошибка в норме языка — только уровень его правильности. Исходя из этого положения, можно с помощью реакции носителей языка на «отрицательный языковой материал», т. е. с помощью языкового эксперимента доказать отнесенность ошибочного словоупотребления к нарушениям нормы языка. При этом понимаем языковой эксперимент как модификацию элементов только в пределах словосочетаний и предложений, «образующих каждый раз хотя и относительно замкнутую, но незначительную по размерам систему отношений» [17, с. 116]. С этой целью предлагается ввести в переводы, выполненные профессионалами, для которых язык перевода является родным, интернациональные слова вместо их неинтернациональных эквивалентов. Такая методика позволяет разграничить случаи нарушения понятности и правильности перевода.

Известно, что в параллельных высказываниях на разных языках переводчики, следуя законам построения речи, ограничивающим употребление интернациональных слов в каждом конкретном языке, нередко допускают отклонения от словарных эквивалентов. Основываясь на той точке зрения, что для сохранения коммуникативной ценности перевода часто можно пренебречь некоторыми стилистическими и даже семантическими помехами, попытаемся показать, что потенциальная ценность интернациональных слов как реальных помощников билингва гораздо выше той, которая диктуется не только словарными закономерностями, но и закономерностями построения речи в том или ином языке.

К числу лингвистических фильтров, корректирующих употребление интернациональных эквивалентов в тексте, относят несовпадение в их лексической, семантической и синтаксической сочетаемости в разных языках. Но если мы услышим в речи иностранцев, недостаточно хорошо владеющих русским языком, *война завязалась* (вместо *вспыхнула, началась*), *ветер возник* (вместо *поднялся*), *устранять единство* (вместо *подрывать*), *развязать иллюзии* (вместо *рассеять*), *отменить панику* (вместо *прекратить*), то при явном нарушении нормы не требуется никаких уточнений для понятности названных сочетаний [2, с. 22]. Не менее понятными для носителей языка будут словосочетания и предложения с необычным словоупотреблением, если в их состав войдут интернациональные слова, являющиеся не только полными и абсолютными эквивалентами, но даже с частичной и относительной эквивалентностью.

В значении «поступок» Р *акт* и А *act*, в значении «действующий, обнаруживающий развитие» Р *активный*, А *active* и Н *aktiv*, в значении «всеобъемлющий» Р *универсальный* и А *universal* эквивалентны на уровне словаря, но в синтагматике наблюдаем разную валентность у этих слов. Однако сочетания: *жестокий акт*, А *cruel act* (вместо *жестокий поступок*); *добрый акт*, А *act of kindness* (вместо *доброе дело*); *акт, совершенный в отчаянии*, Н *ein Akt der Verzweiflung* (вместо *поступок, совершенный в отчаянии*); *универсальная разруха*,

A universal disorganisation (вместо *всеобщая разруха*) — не требуют обращения к более широкому контексту или каких-либо иных уточнений. Они остаются достаточно информативными даже в такой «сырой» форме.

Отождествление интернационализмов, различающихся в сопоставляемых языках стилистической или эмоционально-экспрессивной окраской, ведет к уменьшению значимого эффекта информации, складывающегося из суммы всех видов информации, т. е. внелингвистической, лингвистической и эмоционально-экспрессивной [15, с. 222]. Поскольку потери и избыточность информации неизбежны даже при наиболее совершенном переводе, то сохранение основной лингвистической информации будем считать компенсирующим неизбежные потери и обеспечивающим коммуникативность перевода.

В семантической структуре Р *гарантировать* и А *guarantee* отмечен лексико-семантический вариант со значением «обеспечить, защитить», однако стилистическое противопоставление у названных вариантов разнится: Р *гарантировать* (ср.: *гарантировать от всяких неожиданностей*) в значении «охранить, спасти от чего-нибудь неприятного, враждебного, опасного» несет книжную оценку и контрастирует с нейтральным А *guarantee*. Однако нейтрализация названных дифференциальных признаков при переводе ощущается носителями русского языка как ошибка в словоупотреблении, не нарушая его понятность: «Nothing else could guarantee the Revolution against its enemies» [19, с. 57] — «Только они могут защитить революцию от её врагов» [20, с. 292]. Ср.: *Только они могут гарантировать революцию от её врагов*. Р *дефиниция* и А *definition* — межъязыковые стилистические квази-синонимы, так как, совпадая в основном значении, отличаются оценочной коннотацией. А *definition* может употребляться в любой речевой деятельности, тогда как Р *дефиниция* характерно для книжного стиля. Неразличение упомянутого противопоставления при переводе А *definition* русским *дефиниция* ощущается носителем русского языка как манера автора говорить высоким стилем. При этом информация сообщения сохраняется: «For this reason I am giving here a few brief definitions and explanations» [19, с. 19] — «По этой причине я даю здесь несколько кратких определений (ср. *дефиниций*) и пояснений» [20, с. 260].

Р *энергия* в значении «решительность, настойчивость в действиях» по законам стилистики русского языка не согласуется со словом *экстраординарная* и при реализации в речи названного лексико-семантического варианта, если следует подчеркнуть необычность этого качества, выделение его среди других качеств, присоединяет такие определения, как *необычная, незаурядная*. Однако словосочетание *вся её экстраординарная энергия* воспринимается носителями русского языка как необычное, но не затрудняющее понимание.

Еще более безопасна подмена неинтернациональных компонентов их интернациональными синонимами в так называемых «эквивалентах по ситуации», впервые описанных в теории перевода В. Г. Гаком и Ю. И. Львин [5, с. 11]. Имеются в виду те случаи, когда дословный перевод даже не противоречит нормам построения речи в переводящем

языке, но носитель языка предпочел бы другую форму. Так, сочетания: *связанный политически*, *Н proletarisch verbunden* (вместо *связанный идейно*); *социальные проблемы*, *Н die sozialen Probleme* (вместо *социальные вопросы*); *экономическая ситуация*, *А economic situation* (вместо *экономическое положение*); *сфера индустрии*, *А sphere of industry* (вместо *область промышленности*); *систематическая работа*, *А systematic work* (вместо *планомерная работа*); *социальный строй*, *А social order* (вместо *общественный строй*) и др. — можно рассматривать вариантными соответствиями русских «эквивалентов по ситуации». Сюда же, очевидно, можно отнести и понятность употребления устаревających интернационализмов типа *Р публичный* в значении «общественный», *Р приватный* в значении «частный, неофициальный». Ср.: *А public opinion* — *Р публичное мнение* (вместо *общественное мнение*); *А private property* — *Р приватная собственность* (вместо *частная собственность*); *А private armies*, *Р приватные армии* (вместо *наемные армии*); *А private thoughts*, *Р приватные мысли* (вместо *личные мысли*) и др.

А sabotage и *Р саботировать* имеют общий семантический стержень «противодействовать чему-либо», однако набор дифференциальных семантических компонентов, составляющих это значение, у названных слов не совпадает: у *Р саботировать* имеется признак «противодействовать скрыто», между тем как у *А sabotage* данный признак отсутствует. Поэтому переводчик отказывается от интернациональной диалексемы в русском языке и использует в качестве эквивалентного соответствия сочетание *выходить из повиновения*: «Meanwhile the soldiers began to solve the peace question by simply deserting, the peasants burned manorhouses and took over the great estates, the workers sabotaged and struck.» [19, с. 32] — «Тем временем солдаты сами начинали разрешать вопрос о мире дезертирством, крестьяне жгли господские усадьбы и захватывали крупные поместья, рабочие выходили из повиновения и бросали работу» [20, с. 271]. Однако на этапе последовательных поисков оптимального варианта, т. е. на этапе «проб и ошибок», механическая подстановка *Р саботировать* вместо *А sabotage* также обеспечивает сохранение основной информации английского речевого произведения (ср.: ... *рабочие саботировали и бросали работу*).

Языковая норма — социально-историческое понятие, поэтому оценочный ее аспект всегда предполагает наличие «вариативности средств выражения» [16, с. 226]. К тому же, как неоднократно отмечалось в литературе, и практика перевода связана с постоянными поисками лучших соответствий оригиналу как в плане содержания, так и в плане выражения. И здесь первостепенное значение приобретает выбор неподходящих синонимов или сохранение при буквализмах соотносительности, «хотя бы и в порядке ложной или нарушенной связи», с моментами перевода, отражающими мысль оригинала. Такой негативный материал рассматривается как полезный в стилистике «ради более четкого осознания нужного результата» [17, с. 117]. Оценивая далее роль семантических интерференций при реализации коммуникативной функции языка, следует также иметь в виду, что интерференции зависят не только от особенностей взаимовлияющих языков, но и от

сферы их функционирования. Кроме того, поскольку характер интерференции меняется на различных этапах контактирования языков, то отдельные ее факты могут быть приняты как нормативные, если они достаточно регулярны и не противоречат данной языковой системе [8, с. 129].

ЛИТЕРАТУРА

1. Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Автореф. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук. Л., 1972. 32 с.
2. Акуленко В. В., Сукаленко Н. И. Лексическая и семантическая сочетаемость и их изучение в сопоставительном плане.— В кн.: Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. Ч. I, М., 1971, с. 20—23.
3. Бараникова Л. И. Сущность интерференции и специфика её проявления.— В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М., «Наука», 1972, с. 88—98.
4. Wainreich, U. Languages in Contact. N. Y, 1953. 148 p.
5. Гак В. Г., Львин Ю. И. Курс перевода. Французский язык. М., Изд-во ин-та междунар. отношений, 1967. 435 с.
6. Ершова Е. Н. О некоторых формах лингвистической интерференции и о возможности их использования в методике преподавания языков.— В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М., «Наука», 1972, с. 130—139.
7. Жлуктенко Ю. О. Мовні контакти. Проблеми інтерлінгвістики. Київ. Вид-во Київськ. ун-ту, 1966. 135 с.
8. Ицкович В. А., Шварцкопф Б. С. Пассивное двуязычие и культура родной речи.— В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М., «Наука», 1972, с. 127—129.
9. Карлин А. Л. Трудности употребления интернациональных слов немецкого языка и пути их преодоления.— Метод. сб. МГПИИЯ. Вып. 318. М., 1967, с. 67—79.
10. Карлинский А. Е. Принципы исследования лексической интерференции в методических целях.— В сб.: Зарубежное языкознание и литература. Вып. I. Алма-Ата, 1971, с. 62—70.
11. Карлинский А. Е. Типология речевой интерференции.— В сб.: Зарубежное языкознание и литература. Вып. 2. Алма-Ата, 1972, с. 9—16.
12. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история.— В сб.: Новое в лингвистике. Вып. 3. М., Изд-во иностр. лит., 1963, с. 143—347.
13. Михайлов М. М. Двуязычие и взаимовлияние языков.— В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М., «Наука», 1972, с. 197—203.
14. Родова Л. Н. Об интерференции при изучении второго иностранного языка.— В сб.: Лингвистика и методика в высшей школе. Вып. 4. М., 1967, с. 203—213.
15. Сильников А. И. Передача информации и переводимость.— В кн.: Система и уровни языка. М., «Наука», 1969, с. 221—232.
16. Степанов Г. В. О двух аспектах понятия языковой нормы.— В кн.: Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков. М., «Наука», 1966, с. 226—235.
17. Федоров А. В. К вопросу о стилистическом эксперименте.— В кн.: Вопросы теории и истории языка. Изд-во Ленингр. ун-та, 1969, с. 114—119.
18. Juhász J. Probleme der Interferenz. Budapest, 1970. 174 s.
19. John Reed. Ten Days That Shook The World. Progress Publishers Moscow. First Printing. 1967.
20. Джон Рид. Восставшая Мексика. Десять дней, которые потрясли мир. Америка 1918. Перевод с английского. М., «Худож. лит.», 1968.

КАУЗАЛЬНЫЕ КОМПОЗИТЫ В ГЛАГОЛЬНОМ СЛОВОСЛОЖЕНИИ

Для обозначения обстоятельственной связи язык располагает разноразновидными средствами, которые способны «выразить бесконечность содержания, выработанного познающим мышлением как в пределах ретроспективного существования, так и в плане перспективного его развития» [6, с. 42—43].

В данной статье речь идет о сложных глаголах, компоненты которых имплицитно выражают каузальную связь. Благодаря той роли, которую глагол играет в языке, из-за своей сложности и емкости он неоднократно привлекал и продолжает привлекать внимание лингвистов в разных аспектах.

Одним из способов глагольного словообразования в немецком языке является, как известно, словосложение, на которое, однако, единого взгляда нет. По утверждению Г. Бринкмана глаголы обладают весьма ограниченной способностью принимать участие в словосложении. Аналогичную точку зрения в свое время высказывал В. Вильманс — «...das verbum finitum verhält sich sehr spröde gegen die Zusammensetzung.» [16, с. 115]. Подобного взгляда придерживаются В. Флейшер, В. Юнг и другие лингвисты.

Мы разделяем точку зрения В. Хенцена, М. Д. Степановой и А. П. Комарова [7, с. 46] на глагольное словосложение как на весьма продуктивный способ словообразования. Нельзя не согласиться с М. Д. Степановой в том, что «широкая возможность применения словосложения как в области глагольного, так и именного словообразования, создает предпосылку для возникновения более или менее случайных образований, представляющих плод индивидуального творчества писателя — «Er hatte sich müdgegangen, müdgeredet, müdgebettelt, müdgehofft» [10, с. 295].

Языковые факты подтверждают это. Глаголы типа *sich müde/gehen*, *sich müde/laufen*, *sich rot/ärgern* и другие представляют интересующую нас модель *sich A V* (местоимение *sich* в *Akkusativ* + адвербиальный компонент + глагол).

Имплицитно выраженная здесь каузальная связь эксплицируется при помощи трансформации: *sich müde/laufen* — *des Laufens müde werden* — *durch das Laufen müde werden*. По имеющимся у нас сведениям данная модель предметом специального исследования не служила, а для синхронного изучения словосложения важно «выделение релевантных словообразовательных моделей, под которые могут быть подведены структуры современного языка» [10, с. 117]. Нами зарегистрировано более 90 единиц вышеуказанной модели. Количественный показатель не очень высокий. Однако поскольку есть релевантная модель, то новообразования при определенных условиях потенциально всегда возможны.

На структурный тип *sich müde/laufen* и составляющие его компоненты существуют разные взгляды.

В. Д. Девкин [4, с. 9] относит переходные глаголы с обстоятельством, выраженным наречием в сопровождении *sich* (*sich müde gehen, sich tot lachen*) к типу приставочных образований с *sich*. Мы придерживаемся несколько иной точки зрения. Ведь в языке есть много образований, которые не считаются сложными словами, так как один из компонентов, как правило, первый, с точки зрения современного языка не соотносим со знаменательной частью речи и самостоятельно не функционирует, хотя генетически они композиты. Что же касается конститuentов нашей модели, то все они в современном немецком языке соотносимы со знаменательной частью речи и функционируют самостоятельно. Поэтому *sich müde/laufen* и другие глаголы, образованные по этой модели, для нас — сложные. Данную мысль, нам представляется, подтверждают также случаи слитного написания адвербиального и глагольного компонентов в именных формах *Er hatte sich müdegehen, müdegeredet, müdegehofft* и др. а также результаты лингвистического эксперимента с ударением в этих структурах (главное ударение падает на адвербиальный компонент, второстепенное — на глагольный): *sich'müde, laufen, sich'müde, gehen*.

На примере глаголов этой группы можно проследить происходящий в современном немецком языке активный процесс становления сложного глагола определенного типа на базе соотносимых глагольных сочетаний.

В. Флейшер [14, с. 281] считает, что в глагольном словосложении в качестве первого компонента преобладают имена прилагательные. С этим едва ли можно согласиться, поскольку связь прилагательного с существительным будет онтологической (атрибутивная связь), а наречия с глаголом — обстоятельственная связь различных типов.

Образование сложных глаголов идет по линии обстоятельственной связи, а не атрибутивной, причем связи не факультативной, а обязательной.

Права, на наш взгляд, Н. Н. Аветисян (2), считая, что в глагольном словосложении преобладает модель с первым компонентом — наречием, но нельзя согласиться с автором в том, что связи, «которые не являются для глагола обязательными в синтаксисе, очень широко представлены в его словосложении». Мы присоединяемся к мнению тех лингвистов, которые ставят вопрос об обязательных обстоятельствах (Дуден, Гулыга Е. В., Степанова М. Д., Уфимцева А. А. и др.).

Обязательное употребление обстоятельств определенного типа обусловлено тем, что в качестве сказуемого выступают синсемантические глаголы, т. е. глаголы, которые не могут употребляться без обстоятельственных слов, поскольку «в любом языке имеется определенное число глаголов, номинативная и синтагматическая ценность которых детерминирована обстоятельствами совершения действия» [12, с. 126].

В нашей модели адвербиальный компонент обязателен. Это можно проверить с помощью «пробы на опускание». Опуская адвербиальный или вербальный компонент, убеждаемся, что остаток как в том (*Er hat sich...gelaufen*), так и в другом случае (*Er...sich müde ...*) аграмматичен, модель *sich A V* разрушается и структурно, и семантически. Поэтому безоговорочно утверждать, что «соединение двух

элементов в сложный глагол происходит в результате действия центростремительной потенции зависимого слова, соотносительного с первым компонентом сложного глагола», [2, с. 10] не совсем правомерно. В нашей модели имеет место взаимодействие центростремительной потенции зависимого слова (наречия) и центробежной¹ потенции господствующего слова (глагола), что объясняется в значительной степени спецификой выражаемых отношений — обязательная двучленная оппозиция «причина-следствие».

Как видим, синтаксические связи при словосложении существенны. Но при этом нельзя не учитывать и семантический фактор, поскольку «в сложном слове чаще объединяются такие понятия, которые связаны друг с другом более или менее прочной, постоянной семантической связью и которые поэтому так или иначе тяготеют к превращению в подлинное лексическое единство, слово» [3, с. 261].

Итак, сложное слово как целостная единица образуется лишь при наличии определенных связей и зависимостей между составляющими его элементами.

Конструктами интересующей нас модели, как уже сказано, являются местоимение *sich* в Akk. + адвербиальный компонент + глагол. Местоимение *sich* является неотъемлемым компонентом этой модели, оно цементирует модель, без *sich* модель распадается. Местоимение *sich* в модели *sich* A V — синтаксично, оно привносится в структуру модели. Формы с *sich* придают действию характер внутренней активности. Благодаря местоимению *sich* глагольное действие как причина и глагольное состояние как следствие воздействия причины замыкаются в одной субъектно-предикатной линии: субъект, его действие и его же (субъекта) состояние (*S. lief lange* — *S. ist müde*) в противоположность композитам, исследованным А. П. Комаровым [7], семантическая структура которых имплицитно подразумевает две пары предикативных единиц

lahmschießen { 1) *S. schießt*
2) *O. wird lahm*

Следовательно, местоимение *sich* ограничивает действие сферой действия субъекта и уже этим исключает возможность направленности действия на объект. Как видим, местоимение *sich* в Akk. не просто формальный компонент, он является своеобразным модификатором модели. Наша модель выражает действие и состояние субъекта как чего-то целого: *Ich habe mich müde gelaufen* — Я — *весь*; если же *sich* употребляется в Dativ, то модель видоизменяется, осложняется и транспонируется в иную плоскость (модель *sich* S A V):

Ich habe mir die Finger wundgeschrieben. Ich habe mir die Füße blutig gelaufen. Эта модель выражает: 1) действие субъекта на объект; 2) состояние объекта в результате воздействия субъекта (объект как часть целого).

В качестве первого компонента выступают наречия (прилагательные), которые выражают следствие-состояние как результат действия, выраженного вторым компонентом, и показывают, что действие

¹ Термины заимствованы у Б. А. Абрамова [1].

всегда результативно. Наречия (прилагательные), номинирующие первый компонент, являются одно- или двухсложными корневыми единицами (реже встречаются осложненные структуры), истинно немецкими, следующих двух групп:

а) обозначающие внешний признак (цвет) — rot, grün, blau, blaß, schwarz...

б) обозначающие физическое состояние — müde, heiser, tot, warm, krumm, wund, heiß, gesund, schief, krank...

На 90 композит приходится 29 единиц, которые выступают в нашей модели первым компонентом. Из них 13 единиц вышеуказанных двух семантических групп образуют ряды и охватывают таким образом 74 композиты. Остальные 16 являются единичными, но они потенциально способны создавать ряды. Нами выделено семь групп, в каждой группе — один или несколько рядов (табл. 1).

Таблица 1

Распределение первых компонентов по группам

Группа	Количество рядов	Количество единиц в ряду	Лексические единицы	Общее количество
I	1	19	müde	19
II	1	10	tot (halbtot)	10
III	2	9	heiser, wund	18
IV	1	6	warm	6
V	2	4	rot, krank	8
VI	1	3	blau	3
VII	5	2	krumm, heiß, arm, schief, gesund	10

Наряду с вышеуказанными случаями наблюдаются единичные sich wild/ärgern, sich schwarz/ärgern, sich kaputt/lachen. Их зарегистрировано 16 единиц.

Ряды являются открытыми, что свидетельствует о продуктивности модели. Приводим в качестве примера лишь один ряд с первым компонентом müde:

sich müde/arbeiten	sich müde/toben
sich müde/betteln	sich müde/suchen
sich müde/fliegen	sich müde/sprechen
sich müde/gehen	sich müde/spielen
sich müde/hoffen	sich müde/stehen
sich müde/laufen	sich müde/schreien
sich müde/lachen	sich müde/sinnen
sich müde/leben	sich müde/schreiben
sich müde/reden	sich müde/weinen.
sich müde/tanzen	

В качестве второго (ядерного) компонента выступают глаголы разной семантики соответственно многообразию глагольных денотатов, а денотатами глаголов являются, как известно, действия, процессы,

состояния, движения, положения, отношения, свойства, качества, существования [8, с. 20]. Например: laufen, lachen, tanzen, arbeiten, leben, schlafen и др.

Все глаголы простые (корневые), истинно немецкие. Для семи глаголов местоимение sich — огранично, оно — в структуре самого глагола: sich ärgern, sich freuen, sich schämen, sich stürzen, sich räuspern, sich scharren, sich reißen, в остальных 40 случаях местоимение sich — синтаксично, привносится извне, входит в структуру модели. Глагольный компонент выражает действие субъекта, которое является причиной состояния, выраженного первым компонентом: sich müde/laufen (das Laufen — причина, müde — следствие). Глагол уточняет содержание наречия прилагательного, указывает, что данный признак возник как следствие именно действия, состояния, движения, процесса и т. д. На 90 композит приходится 47 глаголов, которые выступают ядерным компонентом, из них 12 единиц образуют ряды и охватывают таким образом 55 композит. Остальные 35 являются единичными, но они потенциально также способны создавать ряды. Мы выделяем пять групп, в каждой группе — один или несколько рядов (табл. 2).

Таблица 2

Распределение вторых компонентов по группам

Группа	Количество рядов	Количество единиц в ряду	Лексические единицы	Общее количество
I	3	8	(sich) ... laufen sich ... ärgern (sich) ... lachen	24
II	2	5	(sich) ... reden (sich) ... weinen	10
III	3	4	(sich) ... arbeiten (sich) ... schreiben (sich) ... schreien	12
IV	1	3	(sich) ... tanzen	3
V	3	2	(sich) ... trinken sich ... schämen (sich) reiten	6

Наряду с вышеуказанными случаями наблюдаются единичные sich heiser/singen, sich müde/toben... Их зарегистрировано 35 единиц. Ряды являются открытыми. В качестве примера приводим только один ряд со вторым компонентом sich ärgern:

sich blaß/ärgern
sich grün/ärgern
sich rot/ärgern
sich wild/ärgern

sich schwarz/ärgern
sich krank/ärgern
sich tot/ärgern
sich gelb/ärgern.

Модель *sich A V* имеет выход в другие категориальные подсистемы (например, в подсистему имени прилагательного *sich müde/arbeiten — arbeitsmüde, sich müde/leben — lebensmüde* и др.), что свидетельствует о взаимосвязи звеньев словообразовательной системы.

Рассмотренные нами сложные глаголы, выражающие каузальную связь имплицитно, появляются и функционируют, как правило, в разговорной речи, носят разговорный характер, используются также и в художественной литературе в стилистических целях [15, с. 190; 5, с. 101; 13, с. 442]. Поскольку эти композиты получают не свойственное исходным компонентам дополнительное коннотативное значение, то они приобретают тем самым большую экспрессивность, а «сложный глагол как семантический конденсат — всегда сильнее, выразительнее и эмоциональнее, чем соотносимое с ним синтаксическое построение» [9, с. 11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Б. А. Синтаксические потенции глагола. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1970. 23 с.
2. Аветисян Н. Н. Глагол и глагольное словосложение. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1971. 23 с.
3. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., «Наука» 1973. 366 с.
4. Девкин В. Д. Глаголы с *sich* в современном немецком языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1952. 23 с.
5. Девкин В. Д. Особенности немецкой разговорной речи. М., «Международные отношения», 1965. 316 с.
6. Колшанский Г. В. Проблема противоречий в структуре языка. — В сб. Энгельс и языкознание. М., 1972. 310 с.
7. Комаров А. П. Система средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке. Автореф. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук. М., 1973. 69 с.
8. Минича Н. М. Semantische Felder — leicht gemacht, praktisch angewandt. М., «Высшая школа», 1973. 141 с.
9. Омельченко Л. Ф. Структурно-семантическая характеристика глаголов-композигов. — «Иностр. яз. в школе», 1974, № 3.
10. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953. 375 с.
11. Степанова М. Д. Словообразование и семантические системы. Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., «Наука», 1966. 390 с.
12. Уфимцева А. А. Типы словесных языков. М., «Наука», 1974. 205 с.
13. Die Deutsche Sprache. Band I, VEB Bibliographisches Institut, Leipzig. 1969. 613 S.
14. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig. 1969. 327 S.
15. Möller G. Stilpraktische Überlegungen zur Wortzusammensetzung. «Sprachpflege», 1973, Heft 10.
16. Wilmanns W. Deutsche Grammatik. Abt. II. Straßburg, 1896. 390 S.

ЗАМЕСТИТЕЛИ. ИХ АНТЕЦЕДЕНТЫ И ЗАМЕЩАЕМЫЕ

Субституция относится к числу сложных и недостаточно изученных проблем языкознания. Так, например, состав группы слов-заместителей окончательно не установлен, и количество слов-заместителей, выделяемых различными лингвистами, колеблется в больших пределах [1 — 3]. Лингвисты, как правило, ограничиваются только словами-заместителями, не ставя даже вопроса о том, что заместителями могут быть единицы других уровней структуры языка.

Б. С. Хаймович [4] считает, что в предложении *It's not my shirt, it's yours* слово *shirt* замещается не словом *yours*, а морфемой *-s*. Аналогичную картину мы наблюдаем в предложении *Again your guess is as good as mine. But mine is sombre.* [Snow C. P. *Corridors of Power*. London, Penguin books, 1972, p. 185], где существительное замещается морфемой *-ne*. Таким образом, существуют уже две морфемы-заместителя *-ne*, *-s*.

Заместителем может быть и целое предложение, как, например, в диалоге:

— *I wish the girl had never come here.*

— *Oh, so do I, so do I.* [Greene Gr. *Three plays*, Lond. 1962 p. 50].
Здесь предложение *So do I* замещает предложение *I also wish the girl had never come here*. По-видимому, существует различие в объеме antecedента у предложения-заместителя, слова-заместителя и морфемы-заместителя.

У предложения-заместителя antecedентом является либо предложение, либо еще больший отрезок текста.

У слова-заместителя диапазон больший. Antecedентом может быть: 1) слово, 2) словосочетание, 3) предложение, 4) целый отрывок текста.

1. *He was a waster if I ever met one, I can tell you.* [Cronin A. G. *The Citadel*. M., Foreign Languages Publishing House, 1957, p. 5] *Young People will think as I do when they are my age...* [To Let, p. 260].

2. *Freddie gushed: You are a lucky devil, if I ever met one.* [The Citadel, p. 318].

3. — *Is Ann coming?*

— *I suppose so.*

4. Another method of finding truth is reasoning. Perhaps you already know that if you agree to, let us say, two basic ideas of assumptions, then in consequence you have to agree to a third idea. For example, if you agree that all normal boys have two hands and that Tom Smith is a normal boy, then you must agree that Tom Smith has two hands.

From the foregoing it is evident that if we take the proper steps, we can start with a few basic truths and from them derive many others [Elliott and Wilcox].

У морфемы-заместителя antecedент, видимо, ограничен: 1) словом, 2) словосочетанием.

1. *"It, s my gallery", Soames sniffed from sheer surprise. "Yours?"* What on earth makes you run a show like this [Galsworthy G., To Let, Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1954, p. 49].

2. The seven thousand is yours if you'll guarantee that Gertrude does no more drudgery. Is it a go? [London G. Martin Eden. M., Foreign Languages Publishing House, 1954, p. 402].

Антецедентом заместителя обычно называют то слово или словосочетание, которое замещается словом-заместителем. Как правило, антецедент и замещаемое совпадают:

"If you really care for pictures", he said, "here's my card I can show you some quite good ones any Sunday, if you're down the river and care to look in" [To Let, p. 46]. He jumped as high as ever he could, turned his legs behind her back, and hugged. He heard her gasp, and felt her hugging back. His eyes, very dark blue just then, looked into hers, very dark brown, till her lips closed on his eyebrow... [To Let, p. 27]. Но это не всегда так. Например, в предложении *He loves you more than I did*. — *He loves you more than I loved* антецедентом *did* является слово *loves*, но заместитель *did* употреблен вместо *loved*. Следовательно, замещаемым является слово *loved*. В приведенном диалоге:

— And our hearts say guilty.

— Yes, guilty.

— Mine doesn't

антецедентом у морфемы-заместителя -*не* является слово *hearts*, а замещаемым — слово *heart*. Следовательно, антецедент и замещаемое не всегда совпадают. Антецедент обычно предшествует заместителю, но может стоять и после заместителя. В таком случае его называют постцедентом:

But *theirs* was a life which if one has ever lived it or been close to it, never quite relinquishes its last finger — hold upon one [Corridors of Power, p. 74]. They watched the two vanish down the slope, till Fleur said with a sigh: "He'll never catch it, thank goodness. What's the time? *Mine* stopped. I never wound it". John looked at his *watch*. By Jove he said *mine's* stopped too? [To Let, p. 971].

По нашему мнению, между заместителем и антецедентом связи может быть: 1) непосредственная, при которой между заместителем и антецедентом нет других заместителей, и оба они находятся внутри одного предложения:

After that it was child's play for a mind like mine [Christie A. Selected Stories, M, Foreign Languages Publishing House, 1969, p. 105].

2) опосредованная, при которой данный заместитель соотносится с антецедентом через посредство другого заместителя. Оба они находятся в разных предложениях.

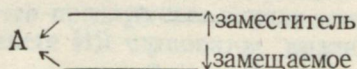
When she smiled, I could see that there was a speck of decay on one of her upper incisors and another seemed to be more filling than tooth. They weren't bad; but they were... kinship, as if we'd both had the same illness. [Braine G. Room at the Top, M, Foreign Languages Publishing House, 1961, p. 92].

— You shouldn't buy *cases* for looks. You ought to buy *them* for wear.

— Yours hasn't worn so well.

В первом примере антецедентом морфемы-заместителя -*не* является *it*, а замещаемым — *watch*. Во втором — антецедентом морфемы-заместителя -*s* является *them*, а замещаемым — слово *cases*.

Отношения между антецедентом, заместителем и замещаемым можно представить в виде схемы (где А обозначает антецедент):

Таким образом, замещаемое и антецедент не всегда совпадают, связь между антецедентом и заместителем может быть непосредственная и опосредованная. Заместителями могут быть не только слова, но и морфемы, и предложения. Замещение нужно рассматривать на разных уровнях структуры языка. Проблема замещения на уровне морфемы и предложения совсем не исследована и требует дальнейшей и детальной разработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобков В. П. Способы выражения повторяющихся смысловых компонентов в структуре предложения в современном английском языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Новосибирск, 1964. 27 с.
2. Аринштейн В. М. Слово-заместитель опе в современном английском языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1966. 26 с.
3. Воронина Л. А. Глагол заместитель to do в современном английском языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Харьков, 1953. 24 с.
4. Хаймович Б. С. Граматика англійських особових займенників. — «Вісник Харк. ун-ту», 1972, № 77. Іноземні мови, вип. 5, с. 80—87.
5. Кобков В. П. Замещение, опущение и совмещение как способы сжатия текста без утери информации. — В кн.: В помощь преподавателям иностранных языков. Вып. 6. Новосибирск. 1974, с. 49—73.

Ю. Ф. КРАСНИКОВ

К ВОПРОСУ О СОПРЯЖЕННЫХ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

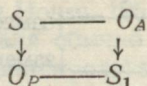
Под сопряженными лексико-грамматическими трансформациями мы понимаем такое изменение синтаксической роли какого-либо члена предложения, которое обязательно влечет за собой изменение синтаксической роли какого-либо другого или каких-либо других членов предложения, например:

Zum erstenmal ahnen sie irgendwie die Wirklichkeit. (Zweig S. Novellen. M., Verl. für fremdspr. Lit., 1959, S. 34)

Впервые перед ними приоткрылась действительность. (Цвейг С. Новеллы. М., Изд-во ИЛ, 1959, с. 50)

В данном примере немецкое предложение переведено на русский язык путем приема конверсии. Изменение синтаксической роли существительного *die Wirklichkeit*, которое в русском переводе стало подлежащим предложения, привело к изменению и синтаксической

роли местоимения *sie*, которое стало в русском варианте предложным дополнением. Эти трансформации можно изобразить в виде схемы:

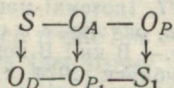
Здесь S — подлежащее в тексте ИЯ, O_A — прямое дополнение в тексте ИЯ, S_1 — подлежащее в тексте ПЯ, O_P — предложное дополнение в тексте ПЯ.

Еще один пример:

Jetzt kam sie zu dem, was sie von
ihm erwartete (Mann H. Die Ju-
gend des Königs Henri Quatre,
Aufbau — Verlag B. u. W., 1967,
S. 72).

И она перешла к тому, для чего
он ей был нужен (Манн Г. Соч.,
т. 6, М., Изд-во ИЛ, 1958, с. 73).

В этом примере происходят сопряженные трансформации трех членов предложения (см. схему): подлежащее (S) в тексте ИЯ становится дополнением дательного падежа (O_D) в тексте ПЯ; прямое дополнение (O_A) в тексте ИЯ становится предложным дополнением (O_P) в тексте ПЯ; предложное дополнение (O_P) в тексте ИЯ становится подлежащим (S_1) в тексте ПЯ.

Вопрос сопряженных трансформаций при переводе специально еще не изучался. Можно назвать ряд работ, в которых рассматриваются только конверсивные трансформации, являющиеся разновидностью сопряженных [1—6].

В данной статье делается попытка дать примерную классификацию сопряженных трансформаций с точки зрения изменения синтаксических позиций подлежащего и дополнений как наиболее типичных изменений при данных трансформациях. Наиболее часто встречаются трансформации при переводе предложений с 2-валентными глаголами.

В переводах предложений с 2-валентными глаголами выделяются четыре основные группы сопряженных трансформаций (их отличия друг от друга заключаются в исходных позициях, т. е. позициях членов предложения в тексте ИЯ):

- 1) группа *A* (позиция $S - O_A$),
- 2) группа *B* (позиция $S - O_P$),
- 3) группа *C* (позиция $S - O_D$),
- 4) группа *D* (позиция $O_D - O_P$).

Каждая из этих групп (за исключением группы *D*) состоит из нескольких подгрупп.

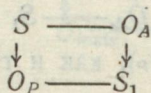
Группа *A* (позиция $S - O_A$) состоит из четырех подгрупп, различающихся позициями членов предложения в тексте ПЯ.

Первая подгруппа — самая многочисленная. Синтаксические позиции в этой подгруппе изменяются следующим образом: подлежащее в тексте ИЯ становится предложным дополнением в тексте ПЯ, а прямое дополнение в тексте ИЯ становится подлежащим в тексте ПЯ. Например:

Kaum hielt die Kappe das dicke schwarze Haar (Feuchtwanger L. Die Jüdin von Toledo. B., Aufbau-Verlag, 1956, S. 36).

Пышные черные волосы с трудом умещались под шапочкой (Фейхтвангер Л. Испанская баллада. М., Изд-во ИЛ, 1958, с. 34).

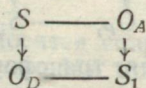
Схема этой трансформации выглядит так:

Вторая подгруппа (см. схему) включает такие сопряженные трансформации, при которых подлежащее в тексте ИЯ становится дополнением дательного падежа в тексте ПЯ, а прямое дополнение в тексте ИЯ становится подлежащим в тексте ПЯ, например:

...wir besaßen grosse Fabriken und Pachten... (Zweig S., S. 286).

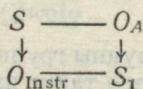
...нам принадлежали большие фабрики и имения (Цвейг С., с. 330).

К третьей подгруппе (см. схему) относятся такие сопряженные трансформации, при которых подлежащее в тексте ИЯ становится дополнением творительного падежа в тексте ПЯ, а прямое дополнение в тексте ИЯ становится подлежащим в тексте ПЯ, например:

Diesen scheinbar offenkundigen Tatbestand lehnten nun unsere Tischrunde einhellig... ab... (Zweig S., S. 276).

Этот, казалось бы, очевидный факт был единогласно отвергнут нашим застольным кружком... (Цвейг С., с. 322).

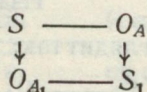
Рассмотренный пример является иллюстрацией конверсивной трансформации. Главным отличием конверсивной трансформации как таковой от сопряженных лексико-грамматических трансформаций вообще является то, что «отношение конверсии симметрично; поэтому если u_{i_0} есть $Conv(i_0) = x$, то x также имеет некоторый $Conv(x) - i_0$ » [1, с. 199]. Это свойственно только конверсии.

В последнюю подгруппу входят такие трансформации, при которых подлежащее в тексте ИЯ становится прямым дополнением в тексте ПЯ, а прямое дополнение в тексте ИЯ становится подлежащим в тексте ПЯ, например:

Am nächsten Tag, bei Tisch, er-
wartet sie eine iähe Nachricht
(Zweig S., S. 30).

На другой день, за обедом, они
узнают неожиданную новость
(Цвейг С., с. 47).

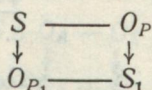
Схема этой трансформации:

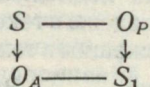
Группа В (позиция $S - O_P$), как и группа А, состоит тоже из четырех подгрупп.

Первая подгруппа (см. схему) состоит из таких трансформаций, при которых подлежащее в тексте ИЯ становится предложным дополнением в тексте ПЯ, а предложное дополнение в тексте ИЯ становится подлежащим в тексте ПЯ, например:

Auf dich habe ich schon längst ein Ты давно у меня на примете
Auge (Mann H., S. 26). (Манн Г., с. 27).

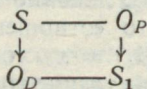
Во вторую подгруппу входят трансформации, при которых подлежащее в тексте ИЯ становится прямым дополнением в тексте ПЯ, а предложное дополнение в тексте ИЯ становится подлежащим в тексте ПЯ (см. схему):

Пример такой трансформации:

Die Kleine schrickt noch zurück Младшую ещё пугает дерзость
vor dem verwegenen Wort (Zweig сестры (Цвейг С., с. 50).
S., S. 34).

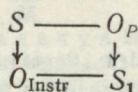
Третья и четвертая подгруппы группы В очень немногочисленны. К третьей подгруппе относятся такие изменения синтаксических позиций, при которых подлежащее в тексте ИЯ становится дополнением дательного падежа в тексте ПЯ, а предложное дополнение в тексте ИЯ становится подлежащим в тексте ПЯ (см. схему):

Пример:

Sie haben Angst vor Mama (Zweig Мать внушает им страх (Цвейг S., S. 35). C., с. 50).

В четвертой подгруппе трансформаций группы В подлежащее в тексте ИЯ становится дополнением творительного падежа в тексте ПЯ, а предложное дополнение в тексте ИЯ становится подлежащим в тексте ПЯ (см. схему):

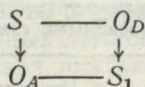
Например:

Seit sie wissen, dass Lüge um sie ist, sind sie zäh und lauernd geworden, selbst verschlagen und verlogen (Zweig S., S. 31).

С тех пор, как дети знают, что они опутаны ложью, они стали придирчивы, подозрительны, сами начали хитрить и притворяться (Цвейг C., с. 47).

Группа С (позиция $S - O_D$) состоит из двух немногочисленных подгрупп.

К первой подгруппе относятся сопряженные трансформации, при которых подлежащее в тексте ИЯ становится прямым дополнением в тексте ПЯ, а дополнение дательного падежа в тексте ИЯ становится подлежащим в тексте ПЯ (см. схему):

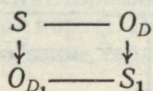

Пример:

Aber sag mir du zuerst: ist dir nicht etwas aufgefallen in den letzten Tagen an unserm Fräulein? (Zweig S., S. 23).

Но раньше ты скажи: ты ничего не заметила в нашей фройлейн? (Цвейг C., с. 41).

Во второй подгруппе группы С подлежащее в тексте ИЯ становится дополнением дательного падежа в тексте ПЯ, а дополнение дательного падежа в тексте ИЯ становится подлежащим в тексте ПЯ (см. схему):

Например:

In der französischen Julirevolution von 1830, in der englischen Reformbewegung war sie noch einmal dem verhassten Emporkömmling erlegen (Marx K., Engels F. Manifest der Kommunistischen Partei. Verlag Progress, M., 1970, S. 68).

Во французской июльской революции 1830 года и в английском движении в пользу парламентской реформы ненавистный выскачка ещё раз нанес ей поражение (Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., Политиздат, 1970, с. 48).

Группа D (позиция $O_D - O_P$) самая незначительная. Сущность сопряженной трансформации здесь заключается в том, что дополнение дательного падежа в тексте ИЯ становится прямым дополнением в тексте ПЯ, а предложное дополнение в тексте ИЯ становится подлежащим в тексте ПЯ, т. е. это перевод безличных предложений личными (см. схему):

$$\begin{array}{ccc} O_D & \text{---} & O_P \\ \downarrow & & \downarrow \\ O_A & \text{---} & S_1 \end{array}$$

Пример:

Mir ist mit hundert Franken nicht zu helfen und mit tausend auch nicht (Zweig S., S. 307).

Сотня франков меня не спасет, да и тысяча тоже (Цвейг С., с. 345).

Все вышеописанные типы сопряженных трансформаций могут быть сведены в таблицу.

Типы сопряженных лексико-грамматических трансформаций с 2-валентными глаголами

Позиция в тексте ИЯ	Исходная позиция			
	Группа A $S-O_A$	Группа B $S-O_P$	Группа C $S-O_D$	Группа D O_D-O_P
1	O_P-S_1	$O_{P_1}-S_1$	O_A-S_1	O_A-S_1
2	O_D-S_1	O_A-S_1		
3	$O_{Instr}-S_1$	O_D-S_1	$O_{D_1}-S_1$	
4	$O_{A_1}-S_1$	$O_{Instr}-S_1$		

Таким образом, были рассмотрены изменения синтаксических позиций только подлежащего и дополнений. Что касается остальных членов предложения (определений и обстоятельств), то здесь тоже возможны изменения. Исходя из этого, следует отметить, что изменение синтаксических позиций — это только одна важная черта сопряженных трансформаций. Изучение их необходимо провести и в других аспектах. Так, существенным представляется изучение словообразовательных и синонимических преобразований, изменение количества «мест» глаголов, обязательных и факультативных изменений и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жолковский А. К., Мельчук И. А. О семантическом синтезе. — «Проблемы кибернетики», 1967, № 19, с. 177—238.
2. Апресян Ю. Д. Синонимия и конверсия. — «Русский язык в национальной школе», 1970, № 6, с. 8—17.
3. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. (Синонимические средства языка). М., «Наука», 1974. 368 с.
4. Штайер Е. О конверсной трансформации. — В сб.: Тетради переводчика, 1970, № 7, с. 84—89.
5. Кручинкина Н. Д. К вопросу о конверсном преобразовании предложений. — В сб.: Проблемы синтаксиса. Изд-во Моск. обл. пед. ин-та. 1973, с. 96—119.
6. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. Изд-во Моск. ун-та, 1972. 200 с.

В. Н. МОЛОДЕЦ

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ СОСТАВЛЕНИЯ РУССКО-НЕМЕЦКОГО СЛОВАРЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

К лингвистической терминологии часто прибегают учителя-словесники средних школ, студенты, аспиранты и преподаватели институтов и факультетов иностранных языков, а также ученые-филологи. Толковые и переводные словари лингвистических терминов необходимы литературным работникам и работникам издательств, выпускающих учебную и специальную литературу на иностранных языках.

С появлением первого советского фундаментального словаря лингвистических терминов О. С. Ахмановой [1], дающего переводы с русского языка на английский, французский, немецкий и испанский языки, проблема создания русско-немецкого словаря лингвистических терминов осталась нерешенной.

Немецкая лингвистическая терминология богата синонимами в результате своего исторического развития. Поэтому одной из основных задач, которые следует решить при составлении русско-немецкого словаря лингвистических терминов, являются принципы отражения этой синонимии в словаре. Сложность проблемы усугубляется тем обстоятельством, что в употреблении лингвистических терминов в нашей стране и за границей нет единой нормы. Для Германии и других стран с немецким государственным языком характерен так называемый «тер-

минологический дуализм», т. е. употребление лингвистических терминов латинского и греческого происхождения — интернационализмов или их переводов на немецкий язык — германизованных эквивалентов [2].

В Советском Союзе при изучении немецкого языка как в средних школах, так и в высших учебных заведениях из синонимических пар преимущественно употребляются немецкие термины латинского происхождения и лишь изредка — германизованные эквиваленты [3, 4].

Поскольку синонимы в терминологии, как известно, явление крайне нежелательное, то лучшим выходом из создавшегося положения была бы, казалось, унификация немецкой лингвистической терминологии, т. е. замена национальных дублетов интернациональными в тех случаях, где они являются абсолютными синонимами и выражены одинаковыми языковыми категориями, например, пары: Pronomen, n. — Fürwort, n; pronominal, a — fürwörtlich, a. Однако такая задача чрезвычайно затруднена тем, что синонимические дубликаты длительное время сосуществуют в немецком языке, и германизованные эквиваленты глубоко вошли в языковую ткань. Они, например, вступают в сложные словообразовательные и синтаксические связи (сложные слова, терминологические словосочетания и т. д.). Есть, к примеру, термины Zahlwortpronomen, n и Zahlpronomen, n (местоименное числительное), но нет Zahlwortfürwort, n или Numeralienpronomen, n; есть Pronominalität, f (местоименность), но нет Fürwörtlichkeit, f; есть ein pronominales Adverb, Pronominaladverb, n, Umstandsfürwort, n (местоименное наречие), но нет Fürwortadverb, n; есть ein pronominales Wort (местоименное слово), но нет ein fürwörtliches Wort и т. д.

Ввиду вышеизложенного нам представляется, что победа исключительно интернациональной лингвистической терминологии для немецкого языка не только связана с определенными затруднениями, но может оказаться и сомнительной, поскольку она нарушила бы уже давно сложившуюся систему двухкомпонентного состава этой терминологии. Однако, поскольку на данном этапе немецкая лингвистическая терминология продолжает развиваться в двух направлениях — расширяется ее интернациональный компонент для обозначения новых явлений и одновременно появляются все новые и новые германизованные дубликаты для давно сложившихся терминов, то желательно было бы как-то упорядочить этот процесс.

Необходимо прежде всего осуществить инвентаризацию и систематизацию немецких лингвистических терминов вообще и их синонимических дублетов, в частности. В специальный словарь лингвистических терминов должны быть включены не только интернациональные дубликаты и их германизованные соответствия, но даже варианты формы. Знание и сопоставление интернациональных и германизованных дублетов, а также вариантов крайне необходимо при использовании прошлой и современной отечественной и зарубежной лингвистической литературы.

Мы считаем, что в специальный русско-немецкий словарь лингвистических терминов должны войти термины по основным лингвистическим дисциплинам: фонетике, морфологии, синтаксису, словообра-

зованию, фразеологии, переводоведению, общему языкознанию, стилистике, версификации и структуральной лингвистике.

В словарь, кроме того, должны быть включены основные термины по истории немецкого языка и немецкой литературы, а также по общему литературоведению, поскольку лингвистические и литературоведческие термины не только зачастую совпадают или тесно соприкасаются, но и практически в одинаковой мере используются в языковедческой деятельности исследователями разных профилей.

Мы считаем также возможным привести в словаре названия основных языков и диалектов мира и видов письма, а также некоторые термины по психологии, логике, информатике и математической лингвистике.

Русско-немецкий словарь лингвистических терминов должен быть составлен путем анализа основополагающих лингвистических трудов (словарей, монографий, учебников, журнальных статей и диссертаций) русских дореволюционных, советских и зарубежных авторов.

Его целью, в отличие от словарей Ж. Марузо, В. Скалички, О. С. Ахмановой, Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой [5, 1, 7] и других словарей подобного рода, должно быть не толкование терминов, а лишь их переводы с русского языка на немецкий. Объединение двух различных типов словарей, толкового и переводного, в одном неизбежно сказывается отрицательным образом на той или иной его стороне: либо страдает качество перевода (например, не учитывается или недостаточно учитывается синонимия), либо уменьшается словник или сокращается объем толкования. Практика показывает, что обычно компромисс делается за счет перевода [1, 5]. Русско-немецкий словарь лингвистических терминов может обойтись без толкования еще и по той причине, что наличие широких по охвату материала толковых словарей лингвистических терминов, какими являются, например, словари О. С. Ахмановой и Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой, предполагает обращение за справками к ним.

Таким образом, на основе изложенных нами принципов мы создали картотеку русско-немецкого словаря лингвистических терминов. Количество зафиксированных в ней русских терминов составляет 20 тыс., а немецких терминов — не менее 35 тыс., поскольку большинство русских терминов переведено несколькими немецкими синонимами.

Синонимия имеет место и в русской части словаря. Это особенно касается новых терминов. У разных авторов одни и те же понятия иногда имеют различные наименования. Так, например, минимальная единица смысла называется *семой*, *дифференциальным признаком*, *значением в определенном типе контекста*, *компонентом значения*, *ноэмой* и т. д. [8, 9]. Такие термины машинного перевода, как: *схема*, *команда*, *правило*, *синтаксический анализ*, *синтагма*, *конфигурация*, *грамматическая информация* — употребляются в различных и не всегда четко определенных значениях не только в разных группах и коллективах, но даже в пределах одной и той же работы [10].

Различия в терминологии объясняются постоянно происходящим уточнением объекта исследования, более углубленным подходом к изучению данного явления. В таких случаях в русско-немецкий сло-

варь в качестве основных вносились только наиболее часто встречающиеся термины из ряда «рабочих» синонимов, а остальные — фиксировались как второстепенные.

Для удобства пользования наш словарь состоит из трех частей:

1. Русско-немецкого словаря лингвистических терминов.
2. Немецкого индекса лингвистических терминов.
3. Приложения.

Первая часть словаря является нормативной. В ней немецкие термины-синонимы расположены в порядке их употребительности в советской германистике, т. е. интернациональные дубликаты, как правило, — на первом месте. Благодаря этому с помощью словаря даже малосведущий читатель сможет ориентироваться в международной и германизированной лингвистической терминологии. Малоупотребительные и малоизвестные в советской лингвистике германизованные термины размещены последними в ряду немецких синонимов.

Всем синонимам регистра, как употребительным, так и малоупотребительным, соответствуют общеупотребительные русские термины. Так, например, немецким синонимам Subjekt, n; Satzgegenstand, m; Grundgröße, f соответствует русский термин подлежащее. Поскольку же из трех немецких синонимов наиболее употребительным в нашей стране является термин Subjekt, n, то он и возглавляет ряд немецких эквивалентов. Русскому термину суффикс в немецком языке соответствует несколько синонимов, размещенных, как уже было сказано, в порядке их употребительности: Suffix, n; Nachsilbe, f; Ableitungsilbe, f; eine (wortbildende, pluralbildende) Endung; Endsilbe, f; ein nachgestellter Ableiter; Ableiter, m. При переводе же отдельных видов суффиксов, приводимых в словаре в алфавитном порядке после родового термина суффикс, мы предлагаем пользоваться, как правило, лишь его основным вариантом, т. е. синонимом Suffix, n, например, инфинитивный суффикс Infinitivsuffix, n; словообразовательный суффикс ein wortbildendes Suffix; суффикс множественного числа Pluralsuffix, n и т. д.

Поскольку терминологические словосочетания типа прилагательное + существительное в русско-немецком словаре нами располагались преимущественно по существительному как опорному слову, то каждый раз в алфавитном порядке создавался определенный перечень подвидов какого-либо термина в гнезде основного видового, выраженного данным существительным. Так, в гнезде «местоимение» даются внутригнездовые термины: «личное местоимение», «указательное местоимение» и т. д. Таким образом, русско-немецкий словарь может служить также своего рода лингвистическим справочником, позволяя рассматривать целую группу терминов в определенной системе.

Известно, что русская лингвистическая терминология, как и немецкая, имеет в своем составе интернациональные и национальные дубликаты. При выборе основного русского дублета из двух или нескольких синонимов предпочтение отдавалось тому из них, который более употребителен в практике. В одних случаях это мог быть русский термин, в других — интернациональный. Так, например, в парах: удвоение — редупликация, дополнение — объект, приставка — пре-

фикс предпочтение отдавалось русскому дублету; а в парах *уподобление — ассимиляция*, *общий язык — койне*, *двугласный — дифтонг* в качестве основного дублета выделялся интернационализм как более употребительный, более «терминологичный», при нем и давался русский перевод. Второстепенные дублеты помещались без перевода, со ссылкой к основному.

При составлении русско-немецкого словаря лингвистических терминов мы не отказывались полностью от употребления помет. Так, при некоторых терминах стоят примечания: архаизм, авторский неологизм (с указанием автора), окказиональное слово или выражение. Однако таких пояснений нами употреблялось немного, чтобы не перегружать словарные статьи излишней информацией, поскольку принятый нами порядок расположения синонимов уже сам по себе указывает на употребительность данного термина.

Мы считаем, что составитель двуязычного словаря лингвистических терминов не должен быть беспристрастным собирателем лингвистической терминологии, а должен выступать пропагандистом в первую очередь интернациональной терминологии и с помощью определенного порядка расположения синонимов и помет ориентировать пользующихся словарем в оценке того или иного термина.

Вторая часть словаря — справочная. Отыскав в немецком индексе при соответствующем простом немецком термине или опорном немецком слове номер, читатель ищет в первой части словаря нужный термин и его перевод. Так, например, все три немецких синонима *Subjekt*, *n*; *Satzgegenstand*, *m*; *Grundgröße*, *f* снабжены одним и тем же номером, поскольку обозначают один и тот же русский термин *подлежащее* и для перевода отсылаются к нему.

Приложение к словарю состоит из следующих справочных разделов: русско-немецкого словаря сокращений лингвистических терминов, немецко-русского словаря сокращений лингвистических терминов, русского алфавита, латинского алфавита, греческого алфавита с указанием наименований букв, немецкого алфавита (антиквы, фрактурного, готического, швабского и рукописного письма), знаков международной фонетической транскрипции, перечня условных знаков, применяемых в современной лингвистике.

На основе русско-немецкого словаря лингвистических терминов, нам представляется, можно составить ряд частных переводных словарей по какому-либо одному разделу языкознания, например, фонетике, грамматике и т. д.

Основная часть лингвистических терминов, приведенных в русско-немецкой части словаря (русский словник), является общей для западно-европейских языков; поэтому на базе данного русского словника впоследствии, думается, можно создать русско-английский, русско-французский и другие двуязычные словари лингвистических терминов.

ЛИТЕРАТУРА

1. А х м а н о в а О. С. Словарь лингвистических терминов. М., «Сов. энциклопедия», 1966. 606 с.

2. Kress B. Lateinische grammatische Termini in der Unterstufe. — «Sprachpflege», 1965, Heft 4, s. 73—74.
3. Русско-немецкий словарь. М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1962. 920 с.
4. Русско-немецкий школьно-педагогический словарь. М., «Сов. энциклопедия», 1967. 704 с.
5. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., Изд-во иностр. лит., 1960. 436 с.
6. Skalička V. Rusko-český slovník lingvistické terminologie. Praha, 1960, 312 s.
7. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник лингвистических терминов. М., «Просвещение», 1972. 495 с.
8. Салькова В. Е. Некоторые проблемы синонимии в языке и речи. Изд-во Саратовского ун-та, 1971. 32 с.
9. Полторацкий А. И. Основные понятия лингвостилистики. — В сб.: О принципах и методах лингвостилистического исследования. Изд-во Моск. ун-та, 1966, с. 131—143.
10. Андреев Н. Д., Иванов В. В., Мельчук И. А. Некоторые замечания и предложения относительно работы по машинному переводу в СССР. — «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 1960, N 4, с. 9.

Р. Г. МУХА, Б. С. ХАЙМОВИЧ, канд. филол. наук

СТРУКТУРЫ, СХОДНЫЕ С КОНСТРУКЦИЕЙ ПРЯМОЙ РЕЧИ

В языке существуют явления, которые сходны с синтаксической конструкцией прямой речи, но отличаются от нее определенными семантико-синтаксическими признаками. Сравним примеры:

Peter said, "I know it".

Peter stood up. "I know it".

В первом случае перед нами обычная синтаксическая конструкция прямой речи (СКПР) с ее четко выраженными компонентами: авторским вводом (АВ) и прямым высказыванием (ПВ), связанными семантически (глаголом говорения), синтаксически (сопряженными предикативными центрами, позицией), интонационно и пунктуационно.

Во втором случае — два самостоятельных предложения. Одно из них соответствует прямому высказыванию. Но в другом нет констатации факта речи и, следовательно, указания на говорящего. Тем не менее из сочетания этих двух предложений мы извлекаем информацию о говорящем и говорении. Поэтому предложение Peter stood up функционально приближается к авторскому вводу. Для распознавания мы будем называть первый тип АВ связанным (САВ), а второй — раздельным (РАВ).

Каким же образом в нашем примере предложение Peter stood up получило функции авторского ввода, не имея для этого достаточно семантико-синтаксического обеспечения?

Мы видим причину в том, что характер его отношений к ПВ похож на характер отношений между САВ и ПВ в рамках СКПР.

Подробно наши взгляды на взаимоотношения компонентов СКПР и всю конструкцию в целом мы уже излагали [1, с. 99; 2, с. 45—49].

Здесь же мы лишь напоминаем, что при определении СКПР мы исходим из основного признака предложения — предикативности, как отношения содержания предложения к ситуации речи [3, с. 292].

Представляя предикативность, как систему координат, осями которой являются элементы содержания предложения: персональность, темпоральность и модальность, — мы полагаем, что в любом предложении, простом или сложном, а также в авторски одноплановом отрывке с любым количеством предложений конкретные показания предикативности будут откладываться на осях одной системы координат относительно одного и того же центра.

Но в СКПР предикативные связи гораздо сложнее. Наряду с автором появляется говорящий, т. е. создается вторая ситуация речи, и, следовательно, вторая система координат со своим предикативным центром.

Однако второй центр не является независимым. Он сопряжен с центром 1-й системы, и эта связь с двумя центрами указывается в САВ [2, с. 47].

В этом сочетании двух текстуально сопряженных предикативных центров в рамках одной конструкции при соответствующем пунктуационном и интонационном оформлении мы видим своеобразие СКПР как синтаксического явления [4, с. 331; 5, с. 18].

Что же объединяет со СКПР сочетание предложений *Peter stood up* "I know it.", которое, вероятно, можно рассматривать как одну из форм сложного синтаксического целого с двумя компонентами? Такой объединяющей чертой является наличие двух предикативных центров. В отличие от СКПР сопряженность этих центров не выражена. После предложения *Peter stood up* с его интонацией и пунктуацией мы не ждем ПВ.

Все же наличие двух центров заставляет предположить имплицитную связь между ними. Предложение *Peter stood up* потому и выполняет функции РАВ, что в нем содержатся имплицитные указания на говорящего и факт речи.

Перейдем к более подробному рассмотрению сочетания РАВ и ПВ. При анализе этого явления, близкого к СКПР, возникает вопрос: какие элементы авторского контекста принимают на себя функции ввода ПВ.

Иногда на этот вопрос ответить несложно, если, как в нашем случае (*Peter stood up*), РАВ непосредственно предшествует ПВ, или, если он, как в приведенных ниже примерах, следует сразу за ПВ (примеры 1, 2), включается в него (примеры 3, 4) или представлен одной из реплик в диалогическом единстве (примеры 5, 6). То обстоятельство, что в интерпозитивных и постпозитивных РАВ, в отличие от САВ, порядок слов не меняется под влиянием ПВ, не усложняет выявление ПВ.

1. "What's that, Sadie?" *Laura came into the hall.* (K. Mansfield. *The Garden Party*. Selected Stories. Foreign Lang. Publishing House. M. 1957, p. 61.)

2. "I'd like to have met the politician." Mr. Campion sounded wistful. (M. Allingham. *Flowers for the Judge Manor Books*, 1973, p. 117).

3. "Sit here." She stretched out her arm. "I want to tell you something." (A. Cronin. *The Citadel*. Foreign Lang. Publishing House, M. 1963, p. 209).

4. "I see." She put her knife and fork together with as much neatness as a well brought up child. "That's splendid." (P. Mortimer. The Home. The Home Penguin Books, 1973, p. 73.)

5. Davidson came in.

"Excuse me for asking you to come here", she said looking at him sombrely.

"I was expecting you to send for me. I knew the Lord would answer my prayers." (S. Maugham. The Rain. Modern English Short Stories. Foreign Lang. Publishing House. M. 1967, p. 227)

6. He shook his head and gave the bottle back to his father. "It doesn't matter," he said to his father. "You'd better open a can of peaches." (J. Aldridge. The Last Inch. Modern English Short Stories. Foreign Lang. Publishing House. M., 1967, p. 480)

Однако далеко не всегда отношения между РАВ и ПВ отличаются такой прозрачностью.

Рассмотрим более сложные случаи. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в РАВ указание на говорящего гораздо чаще, чем в САВ, содержится не в подлежащем, а в словах, выполняющих иные синтаксические функции.

1. Tears began to trickle down Betty's cheeks. "But I love you, Herb" (S. Maugham. The Kite. Stories by Modern English Authors. Foreign Lang. Publishing House. M, 1961, p. 38.)

2. "Doctor, this is Mrs. Brande." Joe's voice was slightly reproving (M. Allingham. op. cit., p. 34.)

3. He could feel her hair shiver with the shake of her head. "Oh, no! I couldn't! I only want to be with you!" (J. Galsworthy. The Apple Tree. Modern English Short Stories. Foreign Lang. Publishing House. M., 1963, p. 161.)

В отличие от САВ, который всегда помещается в непосредственной близости к ПВ, РАВ может быть отделен от него отрезком повествования, не несущим никакой информации о ПВ. Такое явление наблюдается как при препозиции, так и при постпозиции РАВ.

"Could I speak to you for a moment?" Muriel came slowly back the stairs. Her father had spoken through the half-open door and it seemed to be dark inside the room (I. Murdoch. The Time of the Angels. Penguin Books, 1974, p. 128.)

Из окружающего контекста ясно, что ПВ принадлежит Мюриэл, а не ее отцу. Такие типы вводов можно назвать дистантными.

Иногда удаленность РАВ от ПВ оказывается весьма значительной.

"What are you going to do about your brother?" "I don't know. Has something got to be done about my brother?" Marcus Fischer stood with his back to the cheerfully lighted room, looking out through a gap in the curtains. The fog has thickened the darkness and gauzed it a little with its own rusty yellow as if the fog itself were a source of light. The nearby sound of a ship's siren was stifled in the dense air. With satisfaction Marcus pulled the curtains together and turned back to the blazing coal-fire.

Norma Shadox-Brown, sturdy in tweed, loomed over the teatable (I. Murdoch. The Time of the Angels. Penguin Books. Harmondsworth. 1974, p. 12).

Этот пример особенно интересен тем, что с него начинается 2-я глава романа, и оба говорящие, Маркус и Норма, упоминаются в произведении в первый раз.

Иногда сложность состоит еще и в том, что в некоторых типах РАВ указания на говорящего и другая информация о ПВ в различных формах разбросаны по окружающему тексту и самому ПВ.

One afternoon he..... (Mr. Emery — M. X.) answered the telephone call and found himself talking to Meadows, the managing director of Crow's.

"I am glad to have caught you, Mr. Emery. Are you free for a short while this afternoon?" (J. Lindsay. Betrayed Spring. Foreign Lang. Publishing House. M. 1955. p. 447)

В данном примере предложение авторского контекста, которое может считаться основной частью РАВ, делит функции ввода с обращением Mr. Emery. Без этого обращения ПВ можно было бы считать принадлежащим как Мэдоузу, так и мистеру Эмери. Такой ввод можно назвать диффузным.

Диффузный РАВ иногда становится необходимым, если, например, в основной части РАВ упоминаются два лица и ПВ может исходить от каждого из них. Свидетельство этому приведенный ниже отрывок: ... he (Herbert — M. X.) took hold of her two arms to push her out of the way, but she (Betty — M. X.) knocked him violently on the shin.

"Do you want me to give you a sock on the jaw?"

"If you go, you don't come back," she shouted (S. Maugham. The Kite. p. 34).

Угроза нанести a sock on the jaw может с равным успехом исходить от Герберта и Бетти, и только САВ заключительного предложения уточняет, кому именно она принадлежит.

Еще один пример диффузного ввода:

His rage was so terrible that Mrs. Sunbury was frightened.

"And get yourself hung for murder? No, Herbert, I want let you go. Let your Dad go." (S. Maugham. The Kite. p. 39)

К диффузному РАВ здесь относятся, помимо предложения авторского контекста, слова Herbert и Dad.

Интересно, что элементы диффузного РАВ обнаруживаются в самом ПВ, вводимым данным РАВ. Для диффузного РАВ такое проникновение в ПВ нередкое явление, например:

Then one of the farm dogs barked, her grasp relaxed, she shrank back.

"Good night, Megan!"

"Good night, sir!" (J. Galsworthy. op. cit., p. 153.)

В следующем отрывке невозможно определить, кому принадлежит ПВ.

Mr. and Mrs. Sunbury exchanged a smile over the little boy's head. Fancy him wanting a kite! Growing quite a little man he was!

"If you are a good boy end wash your teeth regular every morning without me telling you I shouldn't be surprised if Santa Claus didn't bring you a kite on Christmas Day" (S. Maugham. op. cit., p. 22.)

Это значит, что какие-то элементы РАВ, в данном случае соотношение с источником речи, так и не получили выражения в окружающем контексте.

Нередко РАВ так растворен в контексте, что только общий смысл текста позволяет его выделить.

She opened the door. Betty was standing on the threshold. She tried to push her way in, but Mrs. Sunbury prevented her.

"I want to see Herb."

"You can't. He is out." (S. Maugham. The Kite. p. 37).

Проведенный анализ дает основание заключить, что наряду со сравнительно строго организованной СКПР в языке существует и другой способ введения ПВ в авторское повествование.

Основные различия между авторским вводом-компонентом СКПР (САВ) и авторским вводом, не сопряженным с ПВ в единую синтаксическую конструкцию (РАВ), сводятся к следующему:

1. В подавляющем большинстве случаев в САВ содержится глагол, обозначающий говорение. Глаголы, обозначающие сопутствующее высказыванию действие или внутреннее состояние говорящего, встречаются гораздо реже и появились в САВ сравнительно недавно (возможно, под влиянием РАВ).

РАВ, наоборот, как норма, содержит глаголы, обозначающие действия, сопровождающие высказывание или состояние и мысли говорящего. Глаголы со значением говорения обнаруживаются в РАВ крайне редко.

2. В САВ чаще всего подлежащее обозначает говорящего. В РАВ в значительном числе случаев говорящий указан словами в иных синтаксических функциях.

3. Позиция САВ в СКПР при большом количестве вариаций регламентируется тем, что он должен быть расположен в непосредственной близости к ПВ, тогда как РАВ может быть удален от ПВ, причем иногда на значительное расстояние (дистантный РАВ).

4. В СКПР различной синтаксической сложности элементы САВ, как правило, сконцентрированы в одном предложении. Элементы РАВ в ряде случаев рассеяны по тексту, причем в различном морфологическом и синтаксическом оформлении (диффузный РАВ).

5. САВ всегда четко отделен от ПВ в рамках СКПР. Элементы же РАВ часто можно обнаружить во вводимом им ПВ.

6. Изменение порядка слов в САВ прямо зависит от его связи с ПВ, на порядок слов в РАВ ПВ не оказывает влияния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Муха Р. Г. К вопросу о прямой речи. — «Учен. зап. Харьк. пед. ин-та. иностр. яз.», 1959, т. 5, с. 99—111.
2. Муха Р. Г., Хаймович Б. С. Предикативна і комунікативна характеристика прямої мови. — «Вісник Харк. ун-ту», 1973, № 98. Іноземні мови, вип. 6, с. 45—49.
3. Хаймович Б. С., Роговская Б. И. A Course in English Grammar. М., «Высшая школа», 1967.

4. Трессак Е. И. Интонация слов автора в английском языке в сравнении с русским. — «Учен. зап. Т. Моск. пед. ин-та иностр. яз.», 1964, т. 30, с. 330—332.
5. Романова Р. М. Мелодика предложений с вводными словами автора при прямой речи. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1971.

Н. Н. МЧЕДЛОВА-ПЕТРОСЯН

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АНГЛИИ XIX ВЕКА

Объектом нашего эксперимента является лексика трех основных подъязыков английской художественной литературы (1820—1850 гг): драмы (диалога), прозы (авторской речи), поэзии. Исследование было осуществлено методом структурно-вероятностного анализа [1, 2].

Собран и частично статистически обработан материал объемом в 150 текстовых выборок (по 50 выборок в каждом подъязыке). Выборки стандартные (1 тыс. словоупотреблений), сплошные, произвольно взятые. Число выборок из произведений одного и того же автора внутри подъязыка не превышало четырех.

Из всего лексического материала выборок (11 162 слова) отбирались слова, отмеченные в каждом подъязыке, которые составили соответственно три списка (1 448 слов подъязыка диалога, 1 977 слов подъязыка прозы, 2 025 слов подъязыка поэзии). Критерием отмеченности считалось присутствие слова в трех выборках из 50 для существительных, глаголов, прилагательных, наречий и в четырех — для всех остальных частей речи.

По этим спискам составлялся единый сводный список слов, отмеченных во всех трех подъязыках (708 слов) и ставших объектом дальнейшей статистической обработки.

Были установлены следующие зоны, определяющие по величинам КФ слова его отношение к каждому подъязыку:

зона избегания от 0,1 до 0,82

зона нейтральности от 0,83 до 1,19

зона тяготения от 1,2 до 2,68.

На основании сопоставления всех трех КФ по их принадлежности к указанным зонам определялся тип распределения каждого слова согласно классификации, предложенной Р. Н. Артемовым (3). Самым многочисленным (почти половина всей отмеченной лексики) оказался тип V, который мы назвали типом равномерно-смешанного распределения; за ним в порядке убывания следуют тип II — тип полярного распределения и тип I — тип равномерного распределения, к которому относится 120 слов нейтральной или общей лексики художественной литературы Англии рассматриваемого периода. Последними оказались два типа смещенного распределения: тип IV — минус-смещенного распределения и тип III — тип плюс-смещенного распределения. Была определена представленность слов всех типов по пяти ступеням

Таблица 1

Зависимость между типом распределения и ступенью представленности

Типы распределения	Ступени представленности					Всего
	А (150)	Б (149—60)	В (59—30)	Г (29—15)	Д (14—9)	
I	6	66	12	25	10	120
V	—	51	95	148	33	327
II	—	15	59	96	12	181
IV	—	17	10	15	14	56
III	—	6	6	1	11	24
Сумма	6	155	182	285	80	708

представленности (табл. 1)¹. Типы распределения следуют сверху вниз в порядке убывания количества слов, принадлежащих к ступеням А и Б. Если же расположить типы распределения в порядке убывания доли этих слов внутри каждого типа, обнаруживается следующая последовательность: тип I — 0,6, тип IV — 0,3, тип III — 0,25, тип V — 0,16, тип II — 0,08. Эта последовательность говорит о прямой, довольно жесткой зависимости представленности от равномерности распределения.

Зафиксировано убывание объема лексики с уменьшением знаменательности частей речи (табл. 2). Следует отметить, что наблюдаются различные «темпы» убывания внутри каждого типа. Разрыв между количественно крайними частями речи таков: тип I — в 2,6 раза, тип IV — в 2,7 раза, тип V — в 3,4 раза, тип II — в 4,0 раза, тип III — в 10 раз.

Таблица 2

Соотношение между типом распределения и частью речи

Типы распределения	Части речи					Всего
	Служебные слова	Наречия	Прилагательные	Глаголы	Существительные	
V	37	34	46	93	117	327
II	14	18	41	51	56	181
I	36	20	14	26	24	120
IV	7	7	10	13	19	56
III	1	—	3	10	10	24
Сумма	96	79	114	193	286	708

Таким образом, лексика, обладающая той или иной степенью плюспецифичности, численно резче различается по частям речи, чем лек-

¹ Подробное описание методики исследования см. в настоящем вестнике в статье А. И. Гавриловой.

сика минус-специфичная и нейтральная, что подтверждается ниже-
 дующим. Из слов, принадлежащих к типам II и V, были отобраны
 слова, обладающие плюс-специфичностью только к одному из трех
 подязыков, т. е. тяготеющие к нему (табл. 3). Разрыв между коли-
 чественно крайними частями речи достигает здесь девятикратной
 величины (тип II в подязыке поэзии).

Таблица 3

Соотношение между типом распределения и частью речи
 в плюс-специфичной лексике подязыков

Под- языки	Типы распре- деления	Части речи					
		Служеб- ные слова	Наречия	Прила- гатель- ные	Глаголы	Сущест- витель- ные	Всего
Поэзия	V	8	12	17	36	53	126
	II	3	4	22	23	26	78
Диалог	V	16	14	13	35	22	100
	II	6	3	6	15	9	39
Авторская речь	V	13	8	16	22	42	101
	II	5	3	6	10	4	28
Сумма	V	37	34	46	93	117	327
	II	14	10	34	48	39	145

Исходя из данных, полученных по типам II и V, было составлено
 по два списка слов, тяготеющих к каждому из трех подязыков, а имен-
 но: списки по убыванию величины КФ и по убыванию величины АВ
 (абсолютное вхождение). Из 204 слов, тяготеющих к подязыку поэ-
 зии, почти $\frac{1}{3}$ обладает высокой КФ, тогда как в подязыке диалога
 такие слова составляют около $\frac{1}{6}$, а в авторской речи — лишь $\frac{1}{9}$ всей
 тяготеющей лексики. Как и следовало ожидать, наибольшими вели-
 чинами КФ обладают слова типа II: в подязыке поэзии из 57 слов
 с высокой КФ первые 25 принадлежат к типу II, а из последующих
 лишь 14 слов относятся к типу V. В подязыке диалога из 21 слова
 со столь же высокой КФ — лишь два слова типа V, и появляются они
 только после 14-го порядкового номера. В подязыке авторской речи
 из 14 слов с подобной КФ слов типа V — четыре.

Если сравнивать списки по убывающему АВ плюс-специфичных
 слов, то выясняется, что первенство в этом принадлежит диалогической
 речи: в ней слов, отмеченных в 25 и более выборах, — 46, что состав-
 ляет $\frac{1}{3}$ тяготеющей лексики. На втором месте находится подязык
 поэзии, где таких слов 42 — лишь $\frac{1}{5}$ тяготеющей лексики. На третьем
 месте, как и по убыванию величины КФ, оказался подязык авторской
 речи: всего 9 слов, составивших $\frac{1}{14}$ тяготеющей лексики. В группах
 слов с наиболее высокими значениями КФ АВ колеблется от 11 до 32
 в подязыке поэзии, от 10 до 30 — в подязыке диалога, от 12 до 28 —
 в подязыке авторской речи. Отсюда можно заключить, что плюс-
 специфичная лексика обладает средней представленностью.

При разборе лексики, плюс-специфичной только к одному подъязыку, не учитывались слова типа III, так как все КФ здесь лишь незначительно превышают зону нейтральности. По этой же причине не учтены слова типа IV при разборе минус-специфичной лексики, объем которой по типу V составляет 327 слов, а по типу II — 36 слов. Из лексики типа II минус-специфичны к подъязыку поэзии 19 слов, к подъязыку диалога — 13, к подъязыку авторской речи — четыре. Интенсивность избегания ослабляется в той же последовательности: в подъязыке поэзии значения КФ колеблются от 0,16 до 0,6, в подъязыке диалога — от 0,3 до 0,6 и в подъязыке прозы — от 0,5 до 0,6.

Сопоставление специфичной лексики по подъязыкам позволяет сделать следующие выводы.

И количественно (по объему лексики), и качественно (по величинам КФ) наибольшие отклонения от средней как в сторону избегания, так и в сторону тяготения имеет подъязык поэзии, наиболее эмоциональный, образный, субъективный. Наименьшие отклонения имеет подъязык авторской речи, как наиболее приближающийся к объективности, общехудожественному стандарту.

Хотя избегающая лексика малочисленнее тяготеющей, избегание выражено интенсивнее, чем тяготение, т. е. наблюдаемая величина КФ (0,16) близка к возможному минимуму (0,1), а наблюдаемая максимальная величина КФ (2,29) относительно далека от возможного максимума (2,68).

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л., «Наука», 1967. 403 с.
2. Статистико-комбинаторное моделирование языков. Под ред. Н. Д. Андреева. М.—Л., «Наука», 1965. 502 с.
3. Артемов Р. Н. Подъязыковая системность лексики и ее отражение в распределительном словаре. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1973. 19 с.
4. Исследования по структурно-валентностному анализу. — «Учен. зап. Горьк. пед. ин-та иностр. яз.», 1971, вып. 47. 172 с.

Э. А. НЕПОМНЯЩАЯ

ПРОБЛЕМЫ МОТИВАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Бурные темпы развития науки и техники в условиях научно-технической революции, вызванный ею стремительный рост информации настоятельно требуют резкого повышения качества подготовки по иностранному языку специалистов высшей квалификации с тем, чтобы они могли активно использовать эти знания в своей практической деятельности.

В этой связи чрезвычайно актуальна проблема мотивации учебной деятельности студентов. Целенаправленное управление процессом мотивации учебной деятельности является одним из важнейших спосо-

бов повышения эффективности подготовки специалистов в высшей школе. Изучение названной проблемы необходимо для учебной деятельности в целом и по отдельным дисциплинам вузовского курса, в том числе и по иностранному языку.

Проблема мотивации учебной деятельности по иностранному языку имеет ряд особенностей, ибо изучение иностранного языка как в средней школе, так и в высшей протекает без ярко выраженных мотивов, без потребности в иностранном языке как в средстве коммуникации.

Названные проблемы еще недостаточно рассмотрены в литературе.

Проводимое в течение ряда лет в ХГУ им. А. М. Горького исследование направлено на изучение существующей структуры и динамики мотивации учебной деятельности по иностранному языку (т. е. выявление мотивации исходного уровня, ее развития или угасания от курса к курсу) и поиск форм и методов создания оптимальной структуры мотивации.

Учебная деятельность по отдельным предметам побуждается целой системой разнообразных мотивов. Одни из них являются ведущими, другие — второстепенными. Среди мотивов учения выделяются мотивы, связанные непосредственно с содержанием самой учебной деятельности и процессом ее выполнения, и широкосоциальные мотивы [1].

Структура мотивов, побуждающих учебную деятельность по иностранному языку в неспециальном вузе, должна включать в себя мотивы обоих видов.

Исходя из специфики учебной деятельности по иностранному языку в неспециальном вузе, думается, что на начальном этапе обучения ведущую роль будут играть познавательные мотивы, а на следующих этапах, по мере более тесного соприкосновения с будущей специальностью, в ходе использования литературы на иностранном языке для более углубленного изучения специальных дисциплин, подготовки докладов в кружках СНО, курсовых и дипломных работ, по мере приближения к выпуску, когда все очевиднее становится связь с будущей профессией, все большее значение будут приобретать мотивы второго рода, связанные с будущей профессией.

В данной статье, излагая общую гипотезу, мы кратко рассмотрим методику и результаты выявления и изучения мотивации исходного уровня.

При исследовании мотивов исходного уровня, т. е. мотивов, принесенных из школы в вуз, мы ставили задачу, с одной стороны, выявить структуру уже имеющихся мотивов, с другой стороны, установить, являются ли эти мотивы «только известными», но реально не действенными, или же можно вести речь о мотивах «реально действующих». Лишь тогда, когда возникает мотив «реально действующий», можно говорить о том, что вся совокупность совершаемых действий может превратиться в деятельность [2].

Для изучения мотивации учебной деятельности может применяться широко разветвленная система приемов и методов, основанная на при-

менении косвенных методов исследования в сочетании с прямыми. Это позволяет выяснить и генетические корни мотивов учения, и динамику в изменениях мотивации в зависимости от таких факторов, как возраст, продолжительность и различные этапы обучения и т. п. [3].

Действительно, прямые методы опроса, взятые вне связи с другими приемами, могут дать недостаточно проверенные данные.

Однако в сочетании с иными приемами и методами можно получить исключительно полезный материал. Особенно это касается сведений о том, как индивид представляет себе мотивацию учения, что особенно важно в подобного рода исследованиях.

В нашем исследовании информация была получена с использованием как прямых, так и косвенных методов: в ходе анкетирования студентов первых курсов, тестирования, специальных бесед, изучения официальных документов (аттестатов) и др.

Для изучения характера и динамики мотивации на входе в систему подготовки специалистов высшей квалификации в течение четырех лет мы проводили исследование среди студентов-первокурсников ХГУ. На всех 12 факультетах проводилось анкетирование студентов наборов 1972, 1973, 1974, 1975 гг.

Для обеспечения большей репрезентативности полученных данных анкетирование проводилось по естественно-научным и гуманитарным факультетам, что дало возможность учесть специфику двух типов факультетов.

Анкетирование проводилось среди выпускников городских и сельских школ. При этом учитывался производственный стаж опрашиваемых, время окончания ими средней школы, возраст (от 17 до 23 лет) и т. п. Анализ полученных данных показал, что отличие по демографическим признакам не оказывает существенного влияния на результаты опроса. В связи с этим дальнейшее сопоставление по названным признакам не проводилось.

Вместе с тем полученные результаты различаются в зависимости от факультетов, от жизненных устремлений опрашиваемых. Поэтому наряду с определением общих тенденций, характерных для всей совокупности (студенты разных факультетов, разных лет набора), полученные данные группировались по отдельным факультетам, с одной стороны, и в зависимости от избранной сферы деятельности — с другой.

Для выяснения наличия мотивации учебной деятельности по иностранному языку в анкете первокурсников был поставлен вопрос: «Считаете ли Вы, что знание иностранного языка необходимо для Вас, как: а) для специалиста в своей области, б) широко образованного человека». Предложено три варианта ответов: знание языка необходимо; желательно, но не обязательно; не нужно. Их анализ показывает, что большинство студентов понимает необходимость знаний иностранного языка как для своей профессиональной деятельности, так и для культурного развития.

Из всего количества опрошенных 79,4% считают, что знание языка необходимо для широко образованного человека, и 69,3% расценивают эти знания как необходимые для будущей практической деятельности. Эти данные колеблются по годам: в 1972 г. 83,6% опрошенных

ответили, что знания иностранного языка необходимы для широко образованного человека и 70,2% — для квалифицированного специалиста. Приведенные данные характерны не только для всей совокупности, но и для отдельных факультетов. Лишь на радиофизическом факультете количество первокурсников, связывающих свою работу со знанием языка, значительно больше. На этом же факультете, в отличие от всех остальных, ни один из опрошенных не считает знания языка ненужными для специалиста в своей области, в то время как по всей совокупности получено 3,2% таких ответов. Примерно столько же опрошенных (3,4%) считают, что для широко образованного человека такие знания не являются необходимыми.

Примерно четвертая часть опрошенных дает нейтральные ответы, считая, что знания по иностранному языку желательны, но не обязательны как для специалиста, так и для образованного человека. Вместе с тем среди студентов педагогического отделения мехмата 35,5% полагают, что знание языка не обязательно для широко образованного человека и 32% — для будущей профессиональной деятельности. На физическом факультете такие ответы даны соответственно в 14,2% и 19% случаев. На радиофизическом — 24,6%, на историческом — 39,1% считают не обязательным для специалиста знание иностранного языка, на биологическом факультете — 30,6% таких ответов.

Для получения более полной и достоверной характеристики мотивов исходного уровня полученные данные сопоставлены с жизненными планами и устремлениями студентов.

По данным опроса набора 1972 г. среди студентов, связывающих свои жизненные планы с профессией учителя, только 46,7% считают, что знание иностранного языка в будущем необходимо, 47,3% считают их вовсе не обязательными, 6% вообще не видят необходимости этих знаний. В то же время среди тех, кто в будущем намерен работать в качестве научных сотрудников, знание иностранного языка считают обязательным для себя 71,4%. Среди будущих инженеров признают его необходимость 59%, а 33,4% считают такие знания желательными, но не обязательными.

Полученные результаты свидетельствуют о сравнительно большом количестве студентов, которые признают необходимыми для своей будущей профессии знания иностранного языка. Однако это не свидетельствует еще о том, что у поступивших в университет имеется уже необходимая для успешного осуществления учебной деятельности мотивация.

Речь, очевидно, может идти лишь о наличии «мотивов знаемых», только понимаемых, но реально-психологически «не действенных». Однако это вовсе не означает, что такими мотивами можно пренебречь. Напротив, эти мотивы имеют большое значение в развитии мотивационной сферы личности [2]. Важно только, чтобы наличие этих мотивов было своевременно выявлено и использовано в процессе обучения иностранному языку в вузе так, чтобы эти прежде «только знаемые» мотивы превращались в мотивы «реально действующие».

Мы исходим из того, что для учебной деятельности необходима такая реально действующая мотивация, которая может стать стимулом

достижения поставленных целей — овладения знаниями, умениями, навыками по иностранному языку в полном соответствии с программой.

О том, что такой мотивации у первокурсников нет, свидетельствует сопоставление приведенных выше ответов с установленным нами уровнем достижений опрошенных, под которым понимаются объективные, чисто цифровые показатели, особенности его оценки людьми, коллективами и самооценка [см. подробно 3].

В нашем исследовании уровень достижений определялся результатами тестирования, анализом оценок по иностранному языку в аттестатах, а также самооценкой первокурсниками своих знаний и умений по иностранному языку. По данным аттестатов у большинства поступающих в университет отличные и хорошие оценки по иностранному языку (51,7% — «5» и 38,6% — «4»). Столь высокие оценки давали основание предполагать, что такие предусмотренные программой навыки, как чтение и понимание текста без словаря, простейшие навыки устной речи и др. развиты в достаточно высокой степени. Между тем результаты анкетирования, письменных интервью и тестирования показали, что у подавляющего большинства учащихся таких навыков нет.

Приведем только отдельные показатели: 23,4% поступивших в университет считают, что они не владеют навыком чтения и перевода текста без словаря; 24,4% анketируемых по самооценке не умеют практически применять правила грамматики. Только 12% первокурсников удовлетворительно оценивают свои навыки устной речи. Эти результаты самооценки полностью подтверждены в ходе тестирования. С тестами, рассчитанными на выявление элементарных знаний, предусмотренных школьной программой, с оценкой «хорошо» справилось 18,6%, а 51,4% работ оценены как неудовлетворительные.

Таким образом, результаты исследования позволяют прийти к выводу о том, что обучение иностранному языку в вузе начинается со студентами, у которых имеется мотивация необходимости изучения иностранного языка и его использования в будущей практической деятельности, однако мотивация эта не стала еще реально действующей, и необходима выработка ряда мер, направленных на создание такой действенной мотивации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божович Л. И. Проблемы развития мотивационной сферы ребенка. — В сб.: Изучение мотивации поведения детей и подростков. М., «Педагогика», 1972. 464 с.
2. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. Изд. 3-е. Изд-во Моск. ун-та, 1972. 572 с.
3. Якобсон П. М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., «Просвещение», 1969. 317 с.